А. А. КАУФМАНЪ.

КЪ ВОПРОСУ

О

ПРИЧИНАХЪ и ВѢРОЯТНОЙ БУДУЩНОСТИ

РУССКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНІЙ.

Отдѣльный оттискъ изъ „Сборника Правовѣдѣнія“.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1898

Пров 38

ПРОВ.

Дозволено цензурою. Москва, 4 іюля 1898 г.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ
023
36

Въ переселеніяхъ крестьянъ многіе склонны видѣть одну изъ характернѣйшихъ отличительныхъ особенностей русскаго народнаго быта; одни—оптимисты—видятъ въ нихъ проявленіе особо-присущихъ русскому народу колонизаторскихъ способностей, помогшихъ русскому сѣрому зипуну пріобщить къ культурѣ такія разнообразныя мѣстности, какъ архангельскій сѣверъ и кубанскія степи, какъ амурская тайга и предгорья Тянь-Шаня. Другіе—пессимисты—считаютъ переселеніе отрицательнымъ явленіемъ, продуктомъ некультурности и инертности нашей земледѣльческой массы, мало того—даже какихъ-то особенныхъ, характеризующихъ русскаго мужика бродяжескихъ инстинктовъ. И тотъ, и другой взглядъ погрѣшаетъ противъ истины, такъ какъ въ массовыхъ передвиженіяхъ населенія вовсе нельзя видѣть какой-то специфически-русской особенности. Мы не располагаемъ точными и полными данными, которыя позволили бы намъ учесть размѣры русскихъ переселеній хотя бы за послѣднія 10 — 15 лѣтъ, такъ какъ переселеніе направляется въ очень разнообразные районы, и для многихъ изъ послѣднихъ не существуетъ никакой, хотя бы приблизительной регистраціи переселенцевъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что главный потокъ переселеній за послѣднія 12—15 лѣтъ направлялся въ Сибирь, а сибирское переселеніе, которому, главнымъ образомъ, и будетъ посвященъ настоящій очеркъ, можетъ быть учтено, если не съ безусловною точностью, то во всякомъ случаѣ съ достаточнымъ приближеніемъ: съ 1880 по 1897 годъ въ Сибирь переселилось немногимъ болѣе милліона человѣкъ, причемъ до 1890 года годичная цифра переселенцевъ колебалась между 25 и 50 тысячами, а съ 1891 года въ

Сибирь ежегодно переселялось не менѣе 60 тысячъ; въ голодные 1891 и 1892 года число переселенцевъ доходило до 90 тысячъ, въ 1895 г.—до 120 тысячъ, и только въ 1896 г., благодаря особой комбинаціи обстоятельствъ, оно достигло 200 тысячъ. Итакъ, за 18 лѣтъ ушло въ Сибирь всего съ небольшимъ милліонъ переселенцевъ или, въ среднемъ, около 60 тысячъ въ годъ! Переселеніе во всѣ остальные районы, взятые вмѣстѣ,—Новороссію, Предкавказье, оренбургскія степи, Туркестанъ,—дало бы, за тѣ же 18 лѣтъ, гораздо меньшую цифру; но даже если предположить, что во всѣ эти районы ушелъ еще милліонъ переселенцевъ, то все-же средняя годовая цифра послѣднихъ не превыситъ 120,000, т.-е. составитъ около $^1/_8$ процента въ годъ, за всѣ же 18 лѣтъ переселилось около 2% стомилліоннаго населенія Россіи. Между тѣмъ, за 24 года, съ 1871 по 1894, въ одни только Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты переселилось изъ Великобританіи съ Ирландіею 3,272 тыс., изъ Германіи 2.441 тыс., изъ маленькой Швеціи 590 тыс. человѣкъ, что̀ составляетъ: для первой—около 8%, для второй—около 5%, для третьей—почти 12% всего населенія!

Такимъ образомъ, массовыя передвиженія населенія отнюдь не представляютъ собою чего-либо специфически-русскаго. Но русскія переселенія представляютъ существенное отличіе отъ аналогичныхъ движеній въ Западной Европѣ: колонизація въ Европѣ, какъ было отмѣчено еще кн. Васильчиковымъ [1]), „имѣетъ характеръ *эмиграціи*, т.-е. выхода, которому соотвѣтствуетъ въ Америкѣ и въ Австраліи *иммиграція*, т.-е. водвореніе, поселеніе, а въ Россіи *переселенія были издревле и остаются до сихъ поръ явленіемъ внутренняго народнаго быта*, имѣющимъ значеніе простого перехода изъ однихъ мѣстъ жительства въ другія“; переселенцы изъ Западной Европы направляются либо въ чужестранныя государства, либо въ отдаленныя колоніи, неизбѣжно стремящіяся порвать связь съ метрополіею,—Россія, говоря словами Ѳ. Г. Тернера [2]), „обладаетъ въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ свободными землями, на которыя могутъ изливаться избытки сельскаго населенія, не только не разрывая связи со своимъ отечествомъ, но служа, напротивъ того, большему сплоченію этихъ дальнихъ странъ съ Россіею“. Въ Западной Европѣ, другими словами, колонизаціонное движеніе принимаетъ форму *выселенія* изъ государства, въ Россіи—форму *разселенія* по го-

---

[1]) „Землевладѣніе и земледѣліе“, изд. 1, стр. 924.

[2]) Статья „Переселенческое дѣло“, въ „Вѣстн. Евр.“ 1897 г., мартъ, стр. 76.

сударственной территоріи; западно-европейская эмиграція есть явленіе сравнительно новое,—русское переселеніе есть не что иное, какъ послѣдній, современный намъ актъ того процесса колонизаціи русской государственной территоріи, который составляетъ такую существенную, коренную черту внутренней исторіи Россіи.

Переселеніе изъ Европейской Россіи, въ частности изъ ея средней, гуще всего населенной части, началось въ то время, когда еще не закончилась или только-что завершалась ея собственная колонизація; такъ, В. Н. Григорьевъ, одинъ изъ первыхъ точныхъ изслѣдователей переселенческаго движенія, отмѣчаетъ, что переселенія изъ Рязанской губерніи начались въ то время, когда многія изъ селеній еще не имѣли здѣсь вполнѣ устойчиваго вида, когда вообще крестьяне далеко непрочно осѣли на мѣстахъ своей осѣдлости [3]); переселенія изъ Курской губерніи, по свидѣтельству земскаго своднаго статистическаго сборника [4]), начались „какъ-разъ съ того времени, когда закончился здѣсь процессъ колонизаціи". Въ южныхъ, юго-восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи колонизаціонный процессъ въ настоящее время только-что закончился или еще продолжается,—и однако, многія изъ этихъ губерній занимаютъ не послѣднія мѣста въ числѣ мѣстностей, откуда выходятъ переселенцы. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ, новороссійскія губерніи, въ продолженіе 70-хъ годовъ принявшія до 50 тысячъ душъ переселенцевъ, за тѣ же годы отпустили „на новыя мѣста" до 35 тысячъ душъ; изъ губерній Самарской и Астраханской за то же десятилѣтіе выселилось до 18 тыс., вновь водворилось въ нихъ 14 тысячъ душъ; изъ Уфимской и Оренбургской губерній, которыя въ 70-хъ гг. приняли до 120 тысячъ душъ новыхъ поселенцевъ, выселилось за то же время 36 тысячъ, и т. д. Явленіе это, на первый взглядъ непонятное, объясняется весьма просто, если разобраться въ вопросѣ о причинахъ переселеній.

Ходячій въ обществѣ, а отчасти и въ литературѣ, взглядъ усматриваетъ причину переселеній въ абсолютномъ безземельѣ или малоземельѣ, которое гонитъ крестьянина съ насиженнаго мѣста, съ неизбѣжною, почти физическою необходимостью. „Недостатокъ земли и безпрерывно-прогрессирующее развитіе арендныхъ цѣнъ на землю,— говоритъ, напримѣръ, извѣстный

---

3) *Григорьевъ*, „Переселенія крестьянъ Рязанской губ.", стр. 7—8.

4) „Курская губернія", отдѣлъ о переселеніяхъ, стр. 6—10.

мѣстный изслѣдователь переселенческаго дѣла г. Чудновскій [5]),— вотъ основной мотивъ переселеній. Малоземелье, недостаточность душевого надѣла — всеобщій, повсемѣстный фактъ, и фактъ, прежде всего и главнымъ образомъ вызывающій переселенія". Какъ сложилось такое представленіе о причинахъ,— это, какъ мнѣ кажется, вполнѣ понятно. Прежде всего, оно должно было возникнуть само собой у всякаго, кто задавался вопросомъ о причинахъ переселеній: если крестьянинъ порываетъ связь съ родиной и идетъ искать счастья въ невѣдомую даль, то ясно, что его гонитъ безысходная нужда; а источникъ нужды крестьянина-земледѣльца естественно было искать въ безземельѣ или недостаточности земельнаго надѣла. А съ другой стороны, это представленіе, господствующее и въ обществѣ, и въ литературѣ вопроса, является лишь отраженіемъ взгляда на дѣло, преобладающаго, если не въ сознаніи, то во всякомъ случаѣ—въ показаніяхъ самихъ переселенцевъ,—показаніяхъ, которыя не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на наблюдателей переселенческаго движенія; если спросить переселенца, откуда бы онъ ни былъ родомъ, отчего онъ пошелъ „на новыя мѣста", отвѣтъ — конечно съ разнообразными варіаціями—будетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ одинъ: „жить не съ чего было", „земли мало было"; изъ 3,708 зарегистрованныхъ мною лично въ образовавшихся на казенныхъ земляхъ поселкахъ Томской губерніи переселенческихъ дворовъ, давшихъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ оставленія родины, болѣе двухъ третей—2,624 семьи—указали, какъ на такія причины, на недостаточность общаго размѣра земельнаго надѣла, дурное качество почвы, односторонній составъ угодій, дороговизну и трудность арендованія земли; еще 542 семьи указали на „невозможность существованія" на родинѣ, не входя въ болѣе подробныя объясненія, но очевидно подразумѣвая ту же основную причину „невозможности существованія"—безземелье или недостатокъ земли. — И тѣмъ не менѣе, представленіе о безземельѣ и малоземельѣ, какъ объ основной причинѣ переселеній, не выдерживаетъ критики фактовъ,—является невѣрнымъ или, во всякомъ случаѣ одностороннимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на цифровыя данныя о распредѣленіи переселенцевъ по мѣстамъ выхода; изъ этихъ данныхъ видно, напримѣръ, что изъ 67 тысячъ семей переселенцевъ, зарегистрованныхъ въ теченіе 1884 —

[5]) *Чудновскій.* „Переселенческое дѣло на Алтаѣ", стр. 49, 63.

1893 гг., такъ сказать, при самомъ вступленіи въ границы Сибири, болѣе $10^1/_2$ тысячъ семей—выходцы изъ Курской губерніи; за нею слѣдуютъ: Тамбовская съ $6^1/_2$, Воронежская съ $5^1/_2$, Вятская, Самарская и Пермская, давшія отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ тысячъ, Полтавская и Рязанская — отъ 3 до $3^1/_2$ тыс., Саратовская, Казанская, Пензенская, Харьковская, Черниговская съ 2 — $2^1/_2$ тысячами семей каждая; затѣмъ слѣдуютъ 3 губерніи, давшія отъ 1,000 до 2,000, четыре—выпустившія отъ 500 до 1,000, десять — отъ 100 до 500 семей и 14 губерній, представленныя менѣе, нежели сотнею семействъ каждая. Если взять аналогичныя данныя изъ регистраціи, произведенной въ Алтайскомъ горномъ округѣ—мѣстности, за послѣднія 12—13 лѣтъ принявшей около 60% всего сибирскаго переселенія,—то первыя два мѣста удержатъ за собою тѣ же Курская и Тамбовская губерніи, давшія Алтаю, за время до 1892 г., одна—35 тыс., другая—37 тыс. душъ переселенцевъ; но непосредственно за ними слѣдуетъ Тобольская губернія съ 20 тысячами душъ; рядомъ съ Воронежскою губерніей стоитъ Пермская, за Рязанскою губерніей слѣдуютъ Вятская и Самарская, и т. д. По регистраціи томскаго переселенческаго пункта за десятилѣтіе 1884—1893 гг. первыя девять мѣстъ по числу выпущенныхъ переселенцевъ занимаютъ слѣдующія губерніи: Курская, Тамбовская, Полтавская, Вятская, Пермская, Черниговская, Самарская, Харьковская и Казанская. Всѣ источники единодушно свидѣтельствуютъ, такимъ образомъ, что переселенцевъ выпускаютъ не однѣ только мѣстности, страдающія болѣе или менѣе несомнѣннымъ малоземельемъ или избыткомъ рабочихъ рукъ, но и такія губерніи, какъ Вятская, Пермская, Тобольская, Самарская, Саратовская и т. д.,—губерніи, гдѣ объ избыткѣ рабочихъ рукъ и малоземельѣ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи; гдѣ, наоборотъ, значительная часть удобной площади остается еще неразработанною; гдѣ количество земли, казалось бы, далеко превышаетъ потребности и рабочую способность наличнаго населенія, и земледѣліе страдаетъ скорѣе отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, чѣмъ отъ ихъ избытка.

Если прослѣдить по картѣ мѣстности, отпускающія переселенцевъ, то онѣ сгруппируются въ два крупныхъ района: одинъ изъ нихъ, почти совпадающій съ райономъ выселеній, намѣченнымъ кн. Васильчиковымъ еще въ 1876 г. въ первомъ изданіи его книги „Землевладѣніе и земледѣліе“ [6]), это — средне-

[6]) Стр. 977—979.

русскій районъ, сравнительно малоземельный и густо населенный; онъ охватываетъ всю черноземную-нестепную область, протянувшись на сѣверо-востокъ до Симбирской губерніи и захватывая на югѣ губерніи малороссійскія; другой районъ, — въ общемъ богатый землею и рѣдко населенный, — обнимаетъ заволжскія—восточныя и особенно сѣверо-восточныя губерніи Европейской Россіи и прилегающую къ нимъ съ востока Тобольскую губернію. Если для перваго изъ этихъ двухъ районовъ еще можно было говорить о малоземельѣ, о недостаточности земельныхъ надѣловъ, какъ объ основной причинѣ выселеній, то говорить о малоземельѣ Тобольской, Самарской, Уфимской, Вятской губерній было болѣе, нежели рискованно. Вопросъ о причинахъ выселеній для одной изъ этихъ губерній—Вятской—еще въ 1881 году былъ подробно разработанъ мѣстнымъ изслѣдователемъ переселеній, извѣстнымъ земскимъ статистикомъ г. Романовымъ, и всѣ собранныя имъ данныя „не даютъ основанія заключать, что въ Вятской губерніи гдѣ-либо составляетъ причину совершающихся крестьянскихъ переселеній собственно малая величина земельныхъ надѣловъ“,— что, другими словами, „собственно то или другое число десятинъ крестьянскаго надѣла не имѣетъ прямого вліянія на переселенія“... „Величина посѣва на душевой надѣлъ, говоритъ далѣе г. Романовъ, отнюдь не меньше въ мѣстностяхъ выселеній, чѣмъ у старожиловъ (не говоря уже о новыхъ поселенцахъ. *А. К.)* тѣхъ мѣстностей, въ которыя водворяются переселенцы; въ особенности трудно сказать относительно хотя какой-либо небольшой мѣстности Вятской губерніи, изъ которой крестьяне выселяются, что въ ней у переселенцевъ посѣвы были малы по недостатку земли“ [7]). Причины выселеній, по мнѣнію г. Романова, нельзя искать и въ дурномъ качествѣ земли,—напротивъ, „мѣстности водворенія переселенцевъ въ Вятской губерніи представляютъ вообще низшія достоинствомъ почвы, чѣмъ мѣстности выселеній“. Причина эта, говоря словами г. Романова, коренится въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: „покидаемыя переселенцами земли болѣе или менѣе хороши, но урожаи съ нихъ стали уже гораздо хуже прежнихъ и часто бываютъ плохи. Земли эти потеряли значительную часть своей цѣнности отъ вѣковой дурной обработки и очень недостаточнаго удобренія; постепенно, введеніемъ улучшенной системы хозяйства или хотя бы только усиленнымъ удобреніемъ, плодородіе ихъ могло

[7]) *Романовъ*, „Переселенія крестьянъ Вятской губ.“, стр. 179—180.

бы быть возстановлено. Но крестьяне для этого средствъ не имѣютъ и потому выселяются". Все сказанное въ приведенной цитатѣ въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ другимъ губерніямъ восточной полосы — Самарской, Уфимской, Тобольской и т. д. И здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о маломъ количествѣ, ни о безплодіи надѣльныхъ земель,—все дѣло, несомнѣнно, въ невозможности продолжать вести хозяйство старыми, экстензивными способами, уже успѣвшими проявить свое истощающее вліяніе на почву. И вотъ въ литературѣ вопроса появляются попытки противопоставить, въ отношеніи причинъ переселенія, восточную полосу выселеній среднерусскому переселенческому району. Такую попытку дѣлаетъ, напр., не безызвѣстный нынѣ писатель, г. Гурвичъ, въ своей книгѣ „Переселенія крестьянъ въ Сибирь" [9]). Объясняя выселеніе изъ средне-русскихъ губерній „вліяніемъ недостаточности крестьянскаго надѣла" и его послѣдствіями—преобладаніемъ пашни надъ другими угодьями и въ частности—недостаткомъ покосовъ и выгоновъ, отнимающимъ у крестьянъ возможность правильно удобрять пашню; недостаточностью аренднаго фонда и дороговизною арендъ; необходимостью для крестьянъ расходовать часть своего труда, на все болѣе и болѣе невыгодныхъ условіяхъ, внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства и т. п. обстоятельствами,—названный авторъ видитъ основную причину выселеній изъ восточнаго района въ совершенно иномъ обстоятельствѣ—„въ кризисѣ экстензивной земледѣльческой культуры", — въ невозможности продолжать вести хозяйство усвоенными прежде, при безпредѣльномъ просторѣ, способами и пріемами: еще недавно крестьянинъ не имѣлъ здѣсь надобности удобрять земли, — онъ пахалъ плодородныя цѣлины или залежи, успѣвшія возстановить свои силы продолжительнымъ отдыхомъ; сократившійся отчасти въ силу естественнаго сгущенія населенія, отчасти—вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ по регулированію землевладѣнія, просторъ дѣлаетъ такое хозяйство невозможнымъ: цѣлины распаханы, залежи отдыхаютъ слишкомъ мало времени и не успѣваютъ возстановить своихъ производительныхъ силъ, урожаи падаютъ,—и земледѣлецъ долженъ либо перейти къ хозяйству съ удобреніемъ, либо искать новыхъ, болѣе привольныхъ мѣстъ. „Для всякой земледѣльческой мѣстности, говоритъ г. Гурвичъ, рано или поздно наступаетъ моментъ, дѣлающій необходимымъ

---

[8]) Тамъ же, стр. 186—187.

[9]) Стр. 11—17, 38—40, 53—59.

переходъ отъ болѣе легкихъ формъ хозяйства къ болѣе сложнымъ и менѣе выгоднымъ. При подобныхъ обстоятельствахъ переселенія составляютъ вполнѣ разумное проявленіе народнаго культурнаго консерватизма, побуждающаго крестьянина, покуда есть возможность, крѣпко держаться привычныхъ способовъ веденія хозяйства. Невозможность удерживать ихъ дольше на старомъ мѣстѣ заставляетъ крестьянина подаваться далѣе въ ширь, на свободныя территоріи, еще не знающія земледѣльческой культуры". И такимъ образомъ, заключаетъ нашъ авторъ, „*если для россійскаго* (т.-е. средне-русскаго) *крестьянина переселеніе является выходомъ изъ крайне ненормальнаго экономическаго положенія,—въ переселеніяхъ изъ зауральской полосы* мы видимъ, напротивъ, *проявленіе подмѣченнаго изслѣдователями закона народнаго разселенія*" [10]).

Такое противоположеніе, однако, едва ли можно признать правильнымъ: *послѣднею* причиной культурнаго кризиса въ восточныхъ губерніяхъ является все же, какъ признаетъ и г. Гурвичъ, *сократившійся просторъ*, другими словами — недостатокъ земли; недостатокъ, конечно, относительный, недостатокъ, ощущаемый при данной системѣ хозяйства. Если надѣлъ въ 8, 12, 15 десятинъ и очень великъ по сравненію даже съ высшею нормою надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ среднихъ губерній, то такой надѣлъ представляется уже весьма ограниченнымъ и создаетъ очень чувствительное „утѣсненіе", если его сравнивать съ тѣмъ, почти безграничнымъ просторомъ, при которомъ складывалось залежное хозяйство юго-восточныхъ и сибирскихъ степей или подсѣчное хозяйство русскаго сѣвера; именно это „утѣсненіе", это относительное малоземелье запрещаетъ крестьянину оставаться при прежней экстензивной культурѣ, — именно оно заставляетъ его либо переходить къ высшей культурѣ, либо переселяться. — Съ другой стороны, и по отношенію къ выходцамъ изъ средне-русскаго района лишь въ меньшинствѣ случаевъ можно говорить объ *абсолютномъ* безземельѣ или малоземельѣ: абсолютная нужда въ землѣ, дѣйствительно, гонитъ на переселеніе бывшихъ дворовыхъ, освобожденныхъ безъ земли; она гонитъ „на новыя мѣста" безземельные дворы изъ мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, получившихъ при освобожденіи дарственный, иначе — „нищенскій" надѣлъ; абсолютный недостатокъ въ землѣ гонитъ съ родины тѣ семьи, которыя

[10]) Курсивъ мой. *А. К.*

уходятъ изъ-за невозможности добиться передѣла и привести свое землевладѣніе въ соотвѣтствіе со своимъ возросшимъ рабочимъ и потребительнымъ составомъ; объ абсолютной „тѣснотѣ“ можно говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною выселенія является невозможная конфигурація отведеннаго при освобожденіи надѣла, создающая безконечныя потравы, судбища и т. д. Точныхъ и достаточно полныхъ данныхъ относительно численности среди переселенцевъ такихъ абсолютно-безземельныхъ или малоземельныхъ дворовъ мы не имѣемъ; я могу сослаться только на лично собранный мною въ поселкахъ Томской губерніи, путемъ подворной описи, матеріалъ, изъ котораго видно, что безземельные и семьи съ надѣломъ менѣе десятины составляли всего 21,9%, семьи съ надѣломъ отъ 1 до 3 десятинъ—30,6% общаго числа зарегистрованныхъ переселенцевъ; что почти треть послѣднихъ имѣла свыше 5 десятинъ, 13,8% свыше 10 десятинъ земли на семью,— въ среднемъ же на семью переселенцы имѣли на родинѣ почти по 6 десятинъ надѣльной земли [11]).

Въ видахъ уясненія вопроса, представляется небезполезнымъ привести на справку нѣсколько цифръ, могущихъ дать понятіе о размѣрахъ землевладѣлія на Западѣ. Изъ поземельной статистики извѣстно, что во Франціи 84,7% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 10 гектаровъ, или 9,15 десятинъ каждый, въ среднемъ же у этихъ 84,7% приходится по 2,6 гект., или 2,4 десятины земли на хозяйство; почти половина этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ—38% общаго числа послѣднихъ—имѣетъ не свыше одного гектара, или 0,9 десятины на семью. Въ Баденѣ 72% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 3,6 гект., 17,5%—отъ 3,6 до 7,2 гект. каждый; въ Бельгіи почти двѣ трети—65% всѣхъ землевладѣльцевъ — имѣютъ не болѣе одного гектара, а въ Даніи 64,3% имѣютъ не свыше 0,55 гект. на семью [12]). Можно ли при такихъ условіяхъ говорить объ абсолютномъ малоземельѣ, какъ объ основномъ мотивѣ, толкающемъ „на новыя мѣста“ средне-русскихъ переселенцевъ? Едва ли! Если мѣстности средней Россіи, выпускающія переселенцевъ, кажутся намъ, особенно по сравненію съ нашими окраинами, малоземельными, то съ точки зрѣнія француз-

---

[11]) Итоги этого изслѣдованія см. въ нашей статьѣ „Томскіе переселенцы“ въ VII томѣ „Сборника Правовѣдѣнія и обществ. знаній“.

[12]) См. стат. „Землевладѣніе“ въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Эфрона, т. 23.

скаго, баденскаго или фландрскаго поселянина, ведущаго, при помощи искусственныхъ удобреній, крайне интензивное хозяйство съ плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ и стойловымъ содержаніемъ скота, тѣ же среднерусскія губерніи показались бы столь же богатыми землею, какъ богаты землею, на взглядъ нашего переселенца, сибирскія губерніи! И въ средней Россіи, такимъ образомъ, малоземелье, говоря вообще, является только относительнымъ: какъ для тобольскаго или самарскаго крестьянина не было бы рѣчи объ „утѣсненіи“, если бы онъ промѣнялъ свое залежное хозяйство на правильное, даже безнавозное трехполье, или хотя бы началъ чередовать посѣвы съ чернымъ паромъ, такъ и крестьянинъ средней полосы могъ бы безбѣдно существовать на своемъ надѣлѣ, если бы имѣлъ возможность и сумѣлъ перейти отъ пестрополья или отъ трехполья безъ навоза къ навозному трехполью, или если бы тамъ, гдѣ чрезмѣрное расширеніе запашекъ создало недостатокъ въ естественныхъ покосахъ и выгонахъ, обратился къ травосѣянію и стойловому содержанію скота. И здѣсь, такимъ образомъ, дѣло въ назрѣвшей необходимости измѣнить систему хозяйства, уже непригодную при данной степени населенности страны и данной обезпеченности крестьянства землею.

Авторъ одного изъ самыхъ раннихъ и едва ли не самаго лучшаго изъ точныхъ мѣстныхъ изслѣдованій переселенческаго движенія, В. Н. Григорьевъ, разбирая вопросъ о причинахъ выселеній изъ южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, говоритъ: „Непремѣннымъ, почти не имѣющимъ исключенія условіемъ выхода на новыя земли является (въ изслѣдуемомъ районѣ) несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами переселенцевъ“ [13]). Формулировка, позволяющая предположить наличность абсолютнаго малоземелья. Но тотъ же авторъ останавливается далѣе передъ тѣмъ противорѣчащимъ приведенному объясненію фактомъ, что переселенческое движеніе, принявшее въ южныхъ уѣздахъ такіе широкіе размѣры, почти не существуетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ той же Рязанской губерніи, которые характеризуются и нѣсколько меньшимъ, чѣмъ въ южныхъ уѣздахъ, количествомъ надѣльной земли, и далеко худшимъ ея качествомъ, — для которыхъ, слѣдовательно, гораздо скорѣе могла бы быть рѣчь о малоземельѣ, нежели для южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ. Вотъ какимъ образомъ объясняетъ г. Григорьевъ это явленіе:

---

[13]) *Григорьевъ*, „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи“, стр. 61.

„Крестьянинъ юга губерніи, говоритъ онъ, почти исключительно земледѣлецъ; поселившись на привольныхъ пространствахъ прекраснаго чернозема,—эти слова, по моему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія,—онъ привыкъ видѣть въ землѣ единственный источникъ существованія, всякое сокращеніе въ его земельныхъ владѣніяхъ сильно отражается на его благосостояніи". На сѣверѣ „незначительное количество земли давно уже выработало для крестьянина иной типъ занятій", — типъ полупромысловаго крестьянина, занимающагося плотничествомъ и другими заработками на мѣстѣ и на сторонѣ [14]). Еще важнѣе, съ нашей точки зрѣнія, другая сторона дѣла: въ южныхъ уѣздахъ обработка надѣльной земли и самая система полеводства *гораздо ближе стоятъ къ первобытнымъ способамъ веденія хозяйства* (курсивъ мой); тогда какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня вездѣ разбита на три поля, на югѣ Раненбургскаго уѣзда до послѣдняго времени много пестрополья, которое въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ занимаетъ значительныя пространства; въ Рязанскомъ уѣздѣ весь навозъ идетъ на поля, въ южныхъ уѣздахъ хотя уже и чувствуется потребность унаваживанія, но масса паровыхъ полей остается безъ удобренія... Въ Рязанскомъ уѣздѣ дѣлаютъ двѣ или три вспашки при посѣвѣ овса, три вспашки для озимаго хлѣба и 4—5 разъ перепахиваютъ просо; въ южныхъ уѣздахъ вспашка просяного поля рѣдко производится болѣе трехъ разъ, ржаного и ярового — обыкновенно только два раза, а иногда овесъ разбрасываютъ прямо по ржищу, запахивая его лишь послѣ посѣва". „Понятно, заключаетъ уважаемый изслѣдователь, что плохая (въ южныхъ уѣздахъ) обработка почвы, плохое удобреніе полей, пестрополье и *переживаемый или только-что пережитый сельско-хозяйственный моментъ замѣны его трехпольемъ*, — все это не можетъ не отразиться на мѣстномъ крестьянинѣ; быстро падающіе урожаи и временное сокращеніе посѣвовъ (при замѣнѣ пестрополья трехпольемъ) должны усиливать переселенческое движеніе въ страну, изобилующую хлѣбородными землями. *Для Рязанскаго и другихъ уѣздовъ сѣвера губерніи пора такого кризиса миновала*" [15]). (Курсивы мои).

Трудъ г. Григорьева пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью и уваженіемъ; данныя и выводы его многократно цити-

---

[14]) Тамъ же, стр. 103—104.

[15]) Стр. 105—106.

ровались и комментировались въ спеціальной литературѣ; но никто, сколько я знаю, не обратилъ должнаго вниманія на тѣ соображенія, которыя я процитировалъ здѣсь въ краткомъ извлеченіи. Между тѣмъ, именно въ этихъ соображеніяхъ — наиболѣе глубокое рѣшеніе вопроса объ *основной* причинѣ переселеній изъ средне-русскаго района: причина эта — *кризисъ существующей системы хозяйства;* переселеніе — какъ ясно видно если прослѣдить по картѣ тѣ губерніи, которыя отпускаютъ наибольшее число переселенцевъ — растетъ именно тамъ, гдѣ крестьянство переживаетъ критическій моментъ замѣны пестрополья или безнавознаго парового хозяйства навознымъ трехпольемъ, или гдѣ чрезмѣрное сокращеніе площади покосовъ и выгоновъ требуетъ введенія травосѣянія; оно останавливается по минованіи этого кризиса. Конечно, самый кризисъ есть результатъ перенаселенія и недостатка въ землѣ,— но перенаселенія *не абсолютнаго, а относительнаго*, и относительнаго же, а не абсолютнаго малоземелья. „Излишекъ или недостатокъ населенія данной мѣстности, справедливо замѣтилъ еще г. Романовъ [16]), можно правильно опредѣлять только въ отношеніи со всѣми существующими условіями народнаго хозяйства“.

Такимъ образомъ, противополагать другъ-другу въ отношеніи причинъ переселенія средне-русскій и восточный, заволжскій переселенческій районъ нѣтъ достаточнаго основанія. И въ томъ, и въ другомъ районѣ переселеніе—результатъ одной и той же основной причины: *относительнаго, при данной системѣ хозяйства и полеводства, перенаселенія и проистекающаго изъ него малоземелья, и кризиса существующей въ той или другой мѣстности системы хозяйства и полеводства;* будетъ ли относительное малоземелье выражаться въ цифрахъ 15, 10, 5 или 2 десятины на душу, будетъ ли переживающая кризисъ система залежною, пестропольною, паровою безъ удобренія или даже навознымъ трехпольемъ,—это уже частности, не измѣняющія *существеннаго* характера указываемой мною основной причины переселеній; данная густота населенія не позволяетъ продолжать вести, въ данной мѣстности, хозяйства на установившихся издавна основаніяхъ; населеніе должно либо перейти къ болѣе интензивной культурѣ, соотвѣтствующей данной степени густоты населенія, либо искать бо́льшаго простора и возможности продолжать вести хозяйство на прежнихъ основа-

[16]) Назв. соч., стр. 162.

ніяхъ. Переселенцы выбираютъ послѣдній исходъ — и, говоря вообще, тотъ „культурный консерватизмъ“, который ихъ къ этому побуждаетъ, представляется вполнѣ естественнымъ и законнымъ: для того, чтобы перейти къ болѣе высокой культурѣ, недостаточно одной *необходимости* въ такомъ переходѣ: нужно еще *сознаніе* этой необходимости, нужна и *возможность* произвести необходимую реформу въ своемъ хозяйствѣ — другими словами, нужны соотвѣтствующія знанія и капиталъ; не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, крестьянинъ видитъ передъ собою, въ сущности, одинъ исходъ — переселеніе; а съ другой стороны—какъ частному, такъ и народному хозяйству свойственно стремленіе, прежде, нежели перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, но за-то требующимъ большихъ затратъ труда и капитала способамъ земледѣльческаго хозяйства, использовать при помощи старыхъ, менѣе интензивныхъ способовъ культуры всю удобную площадь: въ одномъ случаѣ—площадь имѣнія, въ другомъ—страны [17]).

Установивъ, такимъ образомъ, основную причину переселеній—относительное малоземелье и кризисъ существующей системы земледѣльческаго хозяйства, намъ нетрудно будетъ объяснить себѣ тотъ, на первый взглядъ парадоксальный фактъ, подтверждаемый однако всѣми источниками, что среди переселенцевъ преобладаютъ не наиболѣе обездоленные элементы крестьянства, не бывшіе помѣщичьи, а наоборотъ—сравнительно гораздо болѣе обезпеченные землею бывшіе государственные крестьяне. По даннымъ томскаго переселенческаго пункта за 1884—1893 гг. въ числѣ прошедшихъ черезъ Томскъ переселенцевъ значится бывшихъ государственныхъ 10,078 семей, бывшихъ помѣщичьихъ 5,489, другихъ наименованій—2,524 семьи; въ изслѣдованныхъ мною поселкахъ Томской губерніи оказалось бывшихъ государственныхъ 2,121 семья, бывшихъ помѣщичьихъ—1,850, удѣльныхъ—170 семей. До извѣстной степени это явленіе объясняется значительнымъ участіемъ въ переселеніи сѣверо-восточныхъ губерній, гдѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нѣтъ или очень мало. Но преобладаніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ не исчезаетъ и въ томъ случаѣ, если разсматривать опубликованныя данныя о переселенцахъ изъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Такъ, по даннымъ земскихъ изслѣдованій выселилось:

---

17) *Исаевъ*, „Переселенія въ русскомъ народн. хозяйствѣ“, стр. 131.

	Изъ Рязанской губерніи.		Изъ Курской губерніи.	
	Число душъ.	% всего населенія данн. разр.	Число семей.	% всего населенія данн. разр.
Бывшихъ государств. четвертн.	4569	13%	7702	8,4%
„ „ душевыхъ	11143	7%	3661	4,8%
„ помѣщичьихъ. . .	6726	4%	6819	5,5%

а г. Романовъ указываетъ на то, что среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Вятской губерніи, имѣющихъ вдвое бо́льшіе земельные надѣлы, нежели живущіе въ однихъ съ ними условіяхъ бывшіе удѣльные, переселенія достигаютъ значительнаго развитія, тогда какъ, напротивъ, у бывшихъ удѣльныхъ выселенія были, въ общемъ, очень незначительны.

Преобладаніе среди переселенцевъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ можетъ быть, до извѣстной степени, сведено къ дѣйствію ряда побочныхъ обстоятельствъ, отмѣченныхъ, напр., г. Григорьевымъ и другими изслѣдователями: бо́льшаго у бывшихъ государственныхъ крестьянъ прироста населенія, менѣе развитыхъ мѣстныхъ заработковъ и меньшей возможности арендованія внѣнадѣльной земли — слѣдствій отдаленности ихъ селеній отъ частныхъ имѣній, большей ихъ состоятельности, открывающей имъ бо́льшую возможность предпринимать переселеніе. Но всѣ эти обстоятельства едва ли могли бы замаскировать дѣйствіе *основной* причины переселеній, если бы эта причина дѣйствительно заключалась въ абсолютно-недостаточномъ размѣрѣ земельныхъ надѣловъ: среди переселенцевъ все-таки должны были бы преобладать не *болѣе*, а *менѣе* обезпеченныя землею группы крестьянъ. — Разсматриваемое явленіе сразу утрачиваетъ однако свой парадоксальный характеръ, если свести, какъ мы это сдѣлали, основную причину переселеній къ *относительному* перенаселенію и къ создаваемому имъ сельскохозяйственному кризису: тогда окажется, что бывшіе помѣщичьи крестьяне менѣе выселяются именно оттого, что они получили меньшіе земельные надѣлы, и что критическая эпоха, благодаря этому, для нихъ наступила ранѣе, нежели для бывшихъ государственныхъ крестьянъ; раньше начавшись, эта эпоха у нихъ уже въ большей или меньшей степени закончилась, и переходъ къ сравнительно болѣе интензивному хозяйству болѣе или менѣе завершился, — тогда какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ кризисъ начался, благодаря болѣе щедрому надѣленію землею, значительно позже, а потому не пережитъ и по настоящее время; бывшіе государственные продолжаютъ по-

этому страдать отъ относительнаго перенаселенія въ то время, какъ у ихъ сосѣдей—бывшихъ помѣщичьихъ—хозяйство успѣло уже приспособиться къ данной степени населенности, и, слѣдовательно, относительное перенаселеніе успѣло исчезнуть [18]).

Исходя изъ той же основной причины переселеній — относительнаго перенаселенія и кризиса существующей системы хозяйства, намъ, далѣе, нетрудно будетъ объяснить себѣ и то двойное переселенческое движеніе, которое, какъ я уже упоминалъ, наблюдается въ довольно многихъ мѣстностяхъ Россіи: если переселенцы двигаются изъ губерній Уфимской, Самарской, Тобольской и т. п., гдѣ земли приходится по 8, 12, 15 и болѣе десятинъ на душу,—то это потому, что наступившее въ этихъ мѣстностяхъ относительное малоземелье вызвало кризисъ укоренившагося здѣсь издавна экстензивнаго залежнаго хозяйства; но тѣ же 15, 12, 8 десятинъ на душу—огромный просторъ для бывшаго помѣщичьяго крестьянина среднихъ губерній, для котораго высшій надѣлъ—$2^3/_4$ десятины на ревизскую душу, и который уже давно приспособилъ свое хозяйство къ этому небольшому размѣру надѣла, — а потому этотъ крестьянинъ охотно водворяется въ такихъ мѣстностяхъ, откуда уже началось выселеніе изъ коренного населенія.

Во избѣжаніе недоразумѣнія, я долженъ нѣсколько уклониться здѣсь въ сторону отъ нити моего изложенія и сказать нѣсколько словъ на тему, лишь косвенно относящуюся къ предмету настоящаго очерка. Дѣло въ томъ, что изъ сказаннаго только-что легко можно было бы сдѣлать выводъ, что переселенцы изъ среднихъ, сравнительно малоземельныхъ губерній переносятъ на новыя мѣста усвоенные ими на родинѣ сравнительно интензивные способы хозяйства; въ самомъ дѣлѣ: если крестьянинъ среднихъ губерній переселяется, чтобы имѣть возможность продолжать вести хозяйство издавна-усвоенными способами и пріемами, чтобы избѣжать тяжелой и непосильной для него ломки хозяйственнаго строя, то естественно было бы предполагать, что онъ и на новомъ мѣстѣ будетъ держаться именно этихъ, привычныхъ ему способовъ и пріемовъ; и это—тѣмъ болѣе, что на новомъ мѣстѣ переселенецъ нерѣдко во-

---

[18]) На еще переживаемый бывшими государственными крестьянами сельско-хозяйственный кризисъ, какъ причину усиленнаго стремленія ихъ къ выселенію, указываетъ и г. Григорьевъ (назв. соч., стр. 83); но онъ упоминаетъ объ этой причинѣ лишь мимоходомъ, въ числѣ ряда другихъ, на нашъ взглядъ второстепенныхъ причинъ, тогда какъ по нашему мнѣнію именно эта причина играетъ въ данномъ вопросѣ первую роль.

очію видитъ если не наступившій уже кризисъ, то симптомы приближающагося кризиса мѣстныхъ, болѣе экстензивныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Подобное предположеніе, дѣйствительно, высказывали многіе изъ числа авторитетнѣйшихъ писателей и изслѣдователей переселенческаго дѣла, — назову только Ядринцева, профессора Исаева, В. Н. Григорьева; всѣ они высказывали увѣренность въ томъ, что переселенцы привьютъ „на новыхъ мѣстахъ“ сравнительно высокую средне-русскую культуру, и видѣли поэтому въ переселеніи важный двигатель культурнаго прогресса тѣхъ многоземельныхъ странъ, куда направляется переселеніе. „Переселенцы въ Сибири,— говоритъ, напр., г. Григорьевъ [19]),—являются элементомъ съ нѣсколько высшею земледѣльческою культурой. По утвержденію мѣстныхъ жителей, старожилы часто прибѣгаютъ къ опытности и знаніямъ переселенцевъ по сельско-хозяйственнымъ дѣламъ и вопросамъ; неуклюжая сибирская соха съ приходомъ переселенцевъ стала вытѣсняться плугомъ; молотилки и вѣялки получили громадное распространеніе; мѣстами переложное хозяйство стало смѣняться трехпольнымъ, а вольное и захватное пользованіе землею — уравнительными передѣлами по душамъ“. Сами переселенцы, направляясь въ Сибирь, всегда разсчитываютъ примѣнять на „новомъ мѣстѣ“ свои, „россійскіе“ порядки, свои, „россійскія орудія“; они строго осуждаютъ, по началу, экстензивное хозяйство старожилаго населенія многоземельныхъ районовъ и постоянно впадаютъ въ невинное хвастовство, обѣщаясь „выучить“ старожиловъ работать, „показать имъ, какъ надо вести хозяйство“, и т. д. И однако, изложенное предположеніе не выдерживаетъ критики фактовъ: занося съ собою „на новое мѣсто“ и сохраняя кой-какія хозяйственныя мелочи, входившія на родинѣ въ ихъ хозяйственный обиходъ, переселенцы въ томъ, что̀ составляетъ сущность хозяйственнаго строя, *не учатъ* старожиловъ, а наоборотъ, *учатся* у нихъ; оставивъ родину, чтобы избѣжать, такъ сказать, *прогрессивной ломки* своего хозяйственнаго строя и своихъ хозяйственныхъ привычекъ, они безъ всякихъ затрудненій совершаютъ на новомъ мѣстѣ *регрессивную* ломку: какъ единодушно свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ для Сибири, мѣстныя изслѣдованія, переселенцы — безразлично, вышли ли они съ сѣверо-востока, изъ Малороссіи или изъ средне-русскихъ

[19]) См. статью „Переселенія“ въ Настольн. Энц. Словарѣ Гарбеля-Граната, впослѣдствіи вошедшую въ книгу „Трудъ“ проф. Н. А. Карышева.

губерній,—почти безъ исключенія усваиваютъ выработавшіеся у старожилаго населенія сибирскихъ многоземельныхъ районовъ порядки захватнаго землевладѣнія и залежнаго хозяйства, забывая, до поры—до времени, и о трехпольѣ, и объ унаваживаніи пашенъ, и о передѣлахъ полей. „Власть земли", которая на родинѣ оказалась безсильною одолѣть установившіеся хозяйственные порядки и привычки, „на новомъ мѣстѣ" легко беретъ верхъ надъ этими порядками и привычками. И это понятно: на родинѣ, чтобы побудить населеніе перейти къ высшей культурѣ,—этой власти нужно было бы опираться на союзниковъ въ лицѣ знанія и капитала; чтобы сдѣлать шагъ *назадъ*, вернуться къ экстензивному, залежному хозяйству, нѣтъ нужды ни въ томъ, ни въ другомъ, а потому *этотъ* шагъ совершается безъ всякаго затрудненія.

Повторяю еще разъ: основною причиной переселенія какъ изъ среднихъ губерній, такъ и съ сѣверо-восточныхъ окраинъ является, вообще говоря, относительное малоземелье и обусловливаемый имъ кризисъ данной системы земледѣльческаго хозяйства. *Рядомъ* съ этою основною причиной, несомнѣнно, играетъ роль, по отношенію къ болѣе или менѣе значительнымъ группамъ переселенцевъ, и абсолютное безземелье или *абсолютная* нужда въ землѣ, причемъ подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть обезпеченность землею въ значительно меньшемъ противъ нормально-необходимаго въ данной мѣстности, при существующей системѣ хозяйства, размѣрѣ; и опять-таки случаи подобнаго абсолютнаго малоземелья встрѣчаются не только среди выходцевъ среднихъ губерній, но, хотя и рѣже, также и среди переселенцевъ изъ богатаго землею восточнаго района. Обыкновенно дѣйствіе этихъ общихъ причинъ — абсолютнаго и относительнаго малоземелья — обостряется и осложняется, затѣмъ, еще тѣми или другими частными обстоятельствами: иногда — одностороннимъ составомъ угодій, именно отсутствіемъ или недостаткомъ естественныхъ покосовъ, выгоновъ, лѣса, или безплодностью и вообще плохимъ качествомъ почвы, размываніемъ удобной площади надѣла оврагами, занесеніемъ ея песками, недостаточностью водоснабженія; иногда—особенно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—неудобною конфигураціею, растянутостью или чрезполосностью надѣловъ и проистекающими отсюда столкновеніями изъ-за потравъ, затруднительностью унаваживанія дальнихъ пашенъ, трудностью правильной механической обработки почвы; иногда—отсутствіемъ по-близости земель, способныхъ служить для

крестьянъ арендным фондомъ, и вытекающею отсюда дороговизною и вообще стѣснительностью условій арендованія. А на фонѣ, образуемомъ этими причинами, дѣйствуетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ, нерѣдко болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, иногда дающихъ лишь послѣдній поводъ, толчекъ уже давно назрѣвавшему выселенію. Въ числѣ такихъ обстоятельствъ на первомъ мѣстѣ стоятъ неурожаи; „въ бѣдственные годы неурожаевъ,—писалъ еще 15 лѣтъ тому назадъ г. Григорьевъ [20]),—всѣ хроническія неудобства особенно обостряются, сильнѣе ощущаются всѣми, а тѣмъ болѣе—чисто земледѣльческими мѣстностями. Въ такіе годы вѣсти, доходящія изъ хлѣбородной и просторной стороны, особенно привлекательны: всякій, кого подкосило или въ конецъ разорило нахлынувшее несчастье, кто въ силахъ еще устроиться на новомъ мѣстѣ или кому нечего терять, стремится туда. Зажиточный мужикъ, проѣвши въ голодный годъ кой-какія запасенныя средства, продаетъ остальное, надѣясь въ хлѣбородной сторонѣ прочнѣе обставить себя и дѣтей на случай такого несчастья; хозяйство средняго крестьянина сильно расшатано неурожаемъ,—онъ также спѣшитъ въ мѣста, гдѣ дешевъ хлѣбъ, гдѣ трудъ, прилагаясь къ благородной почвѣ, болѣе производителенъ; замотавшійся бѣднякъ и безысходная нужда идутъ туда же—„хуже не будетъ“,—въ концѣ концовъ каждый неурожай сопровождается рѣзкимъ увеличеніемъ числа переселенцевъ. Затѣмъ, такую же роль играютъ разныя случайныя бѣдствія въ родѣ пожара, наводненія, продажи имущества за недоимки; разныя обстоятельства, ведущія къ сокращенію арендного фонда,—напр., появленіе въ какой-либо мѣстности сахарныхъ заводовъ, переходъ помѣщиковъ отъ арендаторскаго хозяйства къ собственной запашкѣ,—или сокращающія подспорные заработки крестьянъ; сильно разросшіяся послѣ ревизіи семьи нерѣдко уходятъ съ родины изъ-за невозможности добиться передѣла и такимъ образомъ привести надѣльное землевладѣніе въ соотвѣтствіе съ возросшимъ потребительнымъ или рабочимъ составомъ семьи,—въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, толчекъ выселенію даетъ отобраніе, при состоявшемся передѣлѣ, части земли, ранѣе состоявшей во владѣніи даннаго домохозяина. Есть среди переселенцевъ и такіе, которые вовсе не испытали никакого недостатка въ землѣ, а оставляютъ родину въ предвидѣніи еще только могущаго наступить „утѣсненія“ или чаще

[20]) „Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи“, стр. 75.

для того, чтобы на просторѣ амурскаго края или киргизскихъ степей полнѣе развернуть рабочія силы своей семьи и найти болѣе выгодное приложеніе для своего капитала. Иногда переселеніе въ извѣстной мѣстности принимаетъ стихійный, почти эпидемическій характеръ, и тогда, вмѣстѣ съ дѣйствительно нуждающимися въ переселеніи, трогаются „на новыя мѣста“ вслѣдъ „за людьми“ сотни и тысячи такихъ семей, для которыхъ переселеніе въ сущности не вызывается никакою разумною необходимостью; сильнѣйшимъ стимуломъ къ переселенію являются въ подобныхъ случаяхъ слухи о выдаваемыхъ переселенцамъ денежныхъ „способіяхъ“ и иныхъ видахъ правительственной помощи,—слухи, передающіе дѣйствительность обыкновенно въ крайне преувеличенномъ и даже совершенно извращенномъ видѣ; такъ, преувеличенными слухами о помощи, оказываемой переселенцамъ на средства Комитета Сибирской желѣзной дороги, и о предоставляемыхъ имъ льготахъ въ значительной мѣрѣ объясняются тѣ сравнительно огромные размѣры (210 тысячъ вмѣсто прежнихъ 60—80 тысячъ въ годъ), которыхъ достигло въ 1896 г. сибирское переселеніе. Здѣсь, впрочемъ, вызвавшіе усиленное переселеніе слухи лишь преувеличивали *дѣйствительные* факты; въ другихъ же случаяхъ поводомъ къ выселенію являлись факты, измышленные или извращенные до неузнаваемости; такъ, переселеніе въ Донскую область, достигшее въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ довольно значительныхъ размѣровъ, было вызвано отобраніемъ земель у донскихъ (Сальскаго округа) калмыковъ въ казачій войсковой запасъ,—мѣрою, которая была понята крестьянами какъ „накликъ“ на переселеніе въ эту мѣстность; въ числѣ сибирскихъ переселенцевъ 80-хъ годовъ многіе, какъ мнѣ приходилось слышать и при личномъ опросѣ, ссылались на выставленную въ волостныхъ правленіяхъ „бумагу“, на какой-то „царскій указъ“, приглашавшій къ переселенію въ Сибирь; по повѣркѣ эта „бумага“ оказалась циркуляромъ, имѣвшимъ цѣлью, напротивъ, удержать крестьянъ отъ переселенія и разъяснить имъ тѣ ограничительныя условія, которыми обставлено послѣднее по закону.

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, въ которомъ многіе склонны видѣть чуть ли не основную причину переселеній, — на свойственныхъ, яко-бы, русскому крестьянину бродячихъ инстинктахъ и на отсутствіи у него крѣпкой связи съ землей и деревней. Въ такой общей формулировкѣ, встрѣчающейся преимущественно, какъ кажется,

въ органахъ реакціонной печати, взглядъ этотъ не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ доказательствъ, и еще покойный Янсонъ справедливо высказалъ, что искать „коренной причины переселеній въ какомъ-то бродяжничествѣ, какъ принадлежности народнаго характера“, значитъ проявлять полное „непризнаніе естественныхъ законовъ общественнаго развитія“ [21]). Но если остановиться на одномъ только „вторичномъ“ переселеніи, т.-е. на переходѣ на новое мѣстожительство крестьянъ, уже разъ переселившихся со своей родины на „новое мѣсто“, а тѣмъ болѣе переселеніи въ третій, въ четвертый разъ и т. д., то оно въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что крестьянинъ, разъ порвавъ связь съ родиной, не привязывается достаточно крѣпко къ „новоселью“ и потому, при случаѣ, безъ особенныхъ колебаній рѣшается на вторичное переселеніе; а съ другой стороны, въ переселенцѣ, разъ оставившемъ родину, нерѣдко развивается крайняя притязательность, можно сказать даже—прихотливость; угодить переселенцу въ смыслѣ качества отводимаго ему участка весьма трудно,—водворившись на хорошемъ мѣстѣ, онъ не перестаетъ мечтать о „мѣстахъ получше“; въ поискахъ за этимъ лучшимъ переселенецъ нерѣдко оставляетъ хорошее и очень часто только теряетъ.

Въ концѣ настоящаго очерка я буду имѣть случай вкратцѣ высказать мой взглядъ на значеніе переселенія въ русской народной экономіи — взглядъ, нѣсколько отклоняющійся отъ господствующаго въ литературѣ воззрѣнія. Но какъ бы ни смотрѣть на возможныя *послѣдствія* переселеній, нельзя не признать всей серьезности тѣхъ *причинъ*, которыми вызывается это явленіе,—нельзя не видѣть, что переселеніе въ общемъ обусловливается не какими-либо случайными обстоятельствами, а всѣмъ складомъ русской хозяйственной жизни, почему и требуетъ къ себѣ самаго серьезнаго вниманія со стороны общества и правительственной власти.

Если мы теперь обратимся къ исторіи дѣйствительной русской переселенческой политики въ теченіе настоящаго столѣтія, то увидимъ, что эта политика характеризуется неоднократными колебаніями. Въ дореформенную эпоху вопросъ о свободномъ переселеніи, по отношенію къ большей части русскаго крестьянства, вовсе не могъ имѣть мѣста: крестьяне крѣпостные и удѣльные не могли *переселяться*, а могли только быть пересе-

---

[21]) *Янсонъ*, „Опытъ статистич. изслѣдованія о крест. надѣл. и платежахъ“ (изд. 2-е), приложеніе, стр. 51.

ляемы изъ однихъ имѣній въ другія по усмотрѣнію своихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ или удѣла, причемъ законъ (Св. Зак., т. IX, ст. 1107) даже понуждалъ помѣщиковъ переселять крестьянъ изъ густо-заселенныхъ имѣній (гдѣ у крестьянъ было менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу) на свободныя земли въ другихъ имѣніяхъ, угрожая въ противномъ случаѣ отобраніемъ недостаточно обезпеченныхъ землею крестьянъ въ казенное вѣдомство. За-то переселеніе государственныхъ крестьянъ, состоявшихъ подъ попечительствомъ министерства государственныхъ имуществъ, было поставлено широко и разсматривалось какъ мѣра общегосударственнаго значенія; по мысли „Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ (Св. Зак., т. XII, ч. II), переселенія государственныхъ крестьянъ были, съ одной стороны, средствомъ для поднятія благосостоянія какъ тѣхъ крестьянъ, которымъ становилось тѣсно на надѣльныхъ земляхъ, такъ и тѣхъ, которые выходили „на новыя мѣста“; а съ другой — средствомъ для заселенія многоземельныхъ окраинъ и для болѣе правильнаго разселенія жителей. „Вѣдомство государственныхъ имуществъ,—говоритъ Янсонъ [22]),—не только не препятствовало желающимъ переселяться, если они подходили подъ условія достаточно широко поставленныя, но заботилось о томъ, чтобы переселенцы находили и на пути, и на мѣстѣ новаго водворенія всевозможныя облегченія и всякую помощь“. Переселеніе поэтому допускалось изъ каждаго общества, гдѣ на душу (ревизскую) приходилось менѣе 5 дес. полевыхъ и усадебныхъ угодій, и притомъ дозволялось такому числу крестьянъ, чтобы по разсчету на остающееся въ данномъ селеніи число душъ площадь надѣла составляла около 5 десятинъ; для водворенія переселенцевъ назначались такія многоземельныя губерніи и области, гдѣ на душу государственныхъ крестьянъ имѣлось, въ сложности: въ нестепной полосѣ — болѣе 8 дес., въ степной—болѣе 15 дес. казенной земли; здѣсь для переселенцевъ заранѣе заготовлялись особые участки, площадью отъ 4 до 5 тыс. десятинъ каждый; всѣ свѣдѣнія о нихъ сосредоточивались въ палатахъ государственныхъ имуществъ, которыя обязаны были знакомить съ этими свѣдѣніями повѣренныхъ отъ переселенцевъ и облегчать послѣднимъ осмотръ участковъ въ натурѣ. Разрѣшеніе переселенія и назначеніе для переселенцевъ участковъ принадлежало къ компетенціи министра государственныхъ имуществъ, при чемъ законъ предписывалъ

[22]) Назв. соч., стр. 34.

заботиться, „чтобы переселенцы не были, сколь возможно, подвержены дальнимъ и затруднительнымъ переходамъ, и чтобы климатъ тѣхъ мѣстъ, куда они должны переселиться, по возможности менѣе отличался отъ климата, къ которому они привыкли на родинѣ“; по полученіи разрѣшенія, крестьянамъ предоставлялось посылать ходоковъ для осмотра назначенныхъ участковъ, при чемъ, если участки имъ не нравились, ходоки могли избирать и другіе участки. Во время слѣдованія переселенцевъ забота о нихъ лежала на обязанности мѣстныхъ органовъ вѣдомства государственныхъ имуществъ — окружныхъ начальниковъ и полиціи, а иногда особыхъ чиновниковъ, назначавшихся для сопровожденія переселенческихъ партій; они должны были доставлять переселенцамъ безплатный ночлегъ, продовольствіе и врачебную помощь и устранять всякія затрудненія. На мѣстѣ новаго водворенія для переселенцевъ заранѣе заготовлялись продовольствіе, сѣно, сѣмена для посѣва, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, лѣсъ для построекъ; засѣвалась на казенный счетъ часть полей, устраивались, при нуждѣ, мельницы и колодцы; по прибытіи на мѣсто переселенцы временно размѣщались по сосѣднимъ селеніямъ, и окружный начальникъ долженъ былъ ознакомить ихъ съ мѣстными способами веденія хозяйства и помочь имъ немедленно приступить къ постройкѣ домовъ и обработкѣ полей. Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ видовъ помощи, переселенцы получали безвозвратное денежное пособіе въ размѣрѣ отъ 25 до 50 рублей на семью и пользовались льготами: отъ податей — на 4 года, отъ воинскаго постоя—на 6 лѣтъ, отъ рекрутчины—на 3 набора, и имъ прощались всѣ податныя недоимки прежнихъ лѣтъ.

На изложенныхъ основаніяхъ, выработанныхъ и проведенныхъ въ жизнь знаменитымъ дѣятелемъ николаевской эпохи, гр. Киселевымъ, за время съ 1837 по 1859 годъ было переселено 57½ тыс. семействъ, въ которыхъ числилось до 189 тыс. ревизскихъ душъ, а съ женщинами и дѣтьми — всего до 350 тысячъ душъ обоего пола. Сначала переселенцы направлялись въ нынѣшнія Воронежскую, Харьковскую, Тамбовскую губерніи, затѣмъ—въ Саратовскую и Оренбургскую (съ нынѣшними Уфимскою и Самарскою), въ Астраханскую губернію и на сѣверный Кавказъ; въ 50-хъ годахъ переселеніе направлялось въ сибирскія губерніи — Тобольскую, Томскую и Енисейскую; за одинъ 1854 годъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ было водворено до 19 тысячъ ревизскихъ душъ. „Благодаря всѣмъ этимъ

мѣрамъ, говоритъ покойный Янсонъ[23]), переселеніе, по крайней мѣрѣ по закону, не было предоставлено самому себѣ, не было блужданіемъ безъ цѣли и помощи, не сопровождалось разореніемъ переселенцевъ и безплоднымъ исканіемъ новыхъ мѣстъ". Но намъ хорошо извѣстно, во что нерѣдко вырождалась, въ дѣйствительности, система благожелательнаго попечительства надъ государственными крестьянами, установлявшаяся тѣмъ самымъ „Уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ", который регулировалъ и переселенія государственныхъ крестьянъ. Возникаетъ поэтому вопросъ, не оставались ли мертвою буквой и благія начинанія законодателя въ области переселенческаго дѣла, не превращались ли они, въ дѣйствительности, въ безплодную канцелярскую переписку и въ безсистемный произволъ отдѣльныхъ исполнителей. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ достаточно полныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, на этотъ вопросъ едва ли возможно дать исчерпывающій отвѣтъ; но данныя, собранныя уже въ 80-хъ годахъ, при мѣстномъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства въ Сибири, позволяютъ думать, что дѣло было и въ дѣйствительности, въ общемъ, хорошо поставлено: я лично посѣтилъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ нѣсколько десятковъ селеній, образованныхъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, „Киселевскими", иначе — „маршрутными" переселенцами; свѣдѣнія о нѣсколькихъ десяткахъ подобныхъ же селеній имѣются и въ статистическихъ „Матеріалахъ" по Енисейской губерніи, — и этотъ источникъ положительно констатируетъ, что „попытка организовать болѣе или менѣе правильно переселенія оказалась удачною, чему не мало способствовали: наличность значительнаго запаса удобныхъ земель и ихъ плодородіе; помощь, которую переселенцы получали во время пути или еще на родинѣ, благодаря чему ихъ матеріальныя средства не истощались въ конецъ передвиженіемъ; заботы и матеріальная поддержка правительства по водворенiи на мѣстахъ и наконецъ льготы, предоставлявшіяся переселенцамъ въ первые годы ихъ проживанія въ Сибири". Отзывъ этотъ въ полной мѣрѣ справедливъ и по отношенію къ поселеніямъ, возникшимъ въ ту эпоху въ западно-сибирскихъ губерніяхъ. По каждой изъ названныхъ трехъ сибирскихъ губерній констатированы, правда, и неудачи—есть селенія бѣдствующія, нѣкоторыя даже совершенно распались, главнымъ образомъ благодаря неудачному выбору мѣста для водворенія;

---

[23]) Тамъ же, стр. 35.

но въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣста для поселенія выбирались удачно (что̀ впрочемъ въ то время, благодаря изобилію свободныхъ земель, было и нетрудно), поселки устраивались очень быстро, достигали высокаго благосостоянія, и старики съ благодарностью вспоминаютъ о той заботливости, которая окружала ихъ во время пути, при выборѣ мѣста для поселенія и при первоначальномъ устройствѣ.

Положенія 19 февраля 1861 г., а за ними—и изданное въ 1866 г. Положеніе о государственныхъ крестьянахъ не заключаютъ въ себѣ „ничего, что̀ намекало бы на переселеніе и на правила, его регулирующія“ (Янсонъ). Обязанность заботиться о правильномъ размѣщеніи населенія слагается съ казны и помѣщиковъ; но, не говоря уже о предоставленіи крестьянамъ абсолютной свободы переселеній — свободы, немыслимой при существованіи подушной подати и паспортной системы, — законъ не даетъ даже правительственной власти права разрѣшать переселеніе при какихъ бы то ни было условіяхъ. Положеніе 19 февраля просто игнорируетъ переселеніе; предоставляя крестьянамъ личную свободу, оно установляетъ лишь рядъ правилъ относительно перечисленія крестьянъ изъ однихъ обществъ въ другія; нѣчто похожее на переселеніе допущено было только для безземельныхъ батраковъ, крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и нѣкоторыхъ другихъ поименованныхъ въ различныхъ частныхъ узаконеніяхъ категорій сельскаго населенія, которымъ предоставлено было право водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ. По свидѣтельству г. Тернера, — лица, котораго общественное положеніе вполнѣ гарантируетъ, въ данномъ случаѣ, его полную освѣдомленность, — такое отношеніе законовъ освободительной эпохи къ переселенію далеко не было случайнымъ явленіемъ. Игнорированіе переселенія объясняется, съ одной стороны, господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ, что „крестьяне, освобожденные отъ крѣпостной зависимости и надѣленные землею, уже не нуждаясь въ правительственной опекѣ, сами будутъ заботиться о своемъ благосостояніи, и что не вполнѣ обезпеченныя землею лица этого сословія всегда будутъ находить достаточное примѣненіе своему труду на помѣщичьихъ земляхъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ“, другими словами, — господствомъ либерально-манчестерскихъ экономическихъ воззрѣній;

---

[24]) „Матеріалы для изслѣд. землепольз. и т. д. Иркутск. и Енис. губ., т. IV, вып. 2, стр. 34.

съ другой стороны, отрицательное отношеніе къ переселеніямъ объяснялось отсутствіемъ спеціальныхъ органовъ, компетентныхъ входить въ это дѣло; наконецъ, оно было результатомъ— и это, можетъ-быть, самое главное — „преобладавшаго въ то время неблагопріятнаго для переселенческаго движенія настроенія землевладѣльческихъ круговъ и высшихъ сферъ общества". Настроеніе это, по словамъ г. Тернера, „было вызвано отчасти опасеніемъ, что крестьяне, получивъ свободу, массами пойдутъ бродить по всей Россіи", главнымъ же образомъ— боязнью, что при значительномъ развитіи переселеній ощущавшаяся помѣщиками въ первое время по освобожденіи крестьянъ „трудность добывать рабочихъ еще усилится, а вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцы потеряютъ и съемщиковъ на предлагаемую въ аренду землю и такимъ образомъ лишатся единственной остававшейся еще въ ихъ рукахъ вѣрной статьи дохода. Отдѣльныя лица, продолжаетъ г. Тернеръ, могутъ изъ высшихъ побужденій жертвовать своими интересами на пользу общества; но цѣлые классы населенія всегда и вездѣ относятся къ экономическимъ вопросамъ съ эгоистической точки зрѣнія; прежде всего они должны помышлять о сохраненіи собственныхъ интересовъ. Вотъ почему, заключаетъ цитированный мною компетентный авторъ, классъ землевладѣльцевъ смотрѣлъ у насъ въ то время недоброжелательно на переселенческій вопросъ; а такъ какъ это былъ классъ самый вліятельный, то его образъ воззрѣнія отразился и на настроеніи правительства. То, что̀ прежде, въ дореформенное время, считалось дѣломъ самымъ естественнымъ и необходимымъ, т.-е. выселеніе избытка населенія на свободныя земли, то, что̀ не только дозволялось и поощрялось, но даже прямо предписывалось закономъ,—послѣ 1861 года стало представляться дѣломъ крайне опаснымъ, которое не только не слѣдуетъ поощрять, но которому слѣдуетъ препятствовать всѣми мѣрами, — дѣломъ, о которомъ даже не слѣдуетъ и говорить"[25]).

Итакъ, крестьянская реформа въ области переселеній явилась не шагомъ впередъ, а шагомъ назадъ; переселеніе, какъ таковое, въ пореформенную эпоху не признается законодательствомъ; послѣднему извѣстны лишь, какъ я уже упоминалъ, „водвореніе на казенныхъ земляхъ" или—другими словами—надѣленіе казенною землею, обыкновенно связанное съ перемѣною мѣстожительства, крестьянъ нѣкоторыхъ, точно опредѣ-

[25]) См. статью „Пересел. дѣло", въ „Вѣстн. Евр." 1897 г., мартъ, стр. 110—112.

ленныхъ въ законѣ категорій—безземельныхъ батраковъ, крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, однодворцевъ западныхъ губерній и т. п.,—да перечисленіе отдѣльныхъ домохозяйствъ изъ однихъ обществъ въ другія въ порядкѣ, установленномъ Общимъ Положеніемъ о крестьянахъ, т.-е. по увольнительнымъ приговорамъ старыхъ и пріемнымъ приговорамъ новыхъ обществъ; производившійся въ Европейской Россіи отводъ подъ заселеніе казенныхъ земель имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, именно тѣ, только-что упомянутыя категоріи крестьянства, которыя „имѣли по закону право на надѣлъ казенною землею". Переселеніе въ собственномъ смыслѣ слова допущено было, на основаніи особыхъ законовъ, изданныхъ въ 1861 и 1865 гг., лишь въ нѣкоторыя отдѣльныя мѣстности, именно въ только-что присоединенный Приамурскій край, скорѣйшее заселеніе котораго считалось особо желательнымъ по политическимъ цѣлямъ, и въ принадлежащій Кабинету Его Величества, другими словами, — составляющій личную собственность царствующаго Императора Алтайскій горный округъ.

Однако переселеніе послѣ крестьянской реформы не только не ослабѣло, но напротивъ, продолжало расти, охватывало все большее число губерній и направлялось во все болѣе и болѣе разнообразныя мѣстности. Достойно при этомъ замѣчанія, что Сибирь, въ настоящее время привлекающая громадное большинство переселенцевъ, въ первыя два протекшія послѣ реформы десятилѣтія играла въ переселенческомъ дѣлѣ самую ничтожную роль. По даннымъ покойнаго Ядринцева[26]), годичное число проходившихъ въ Сибирь переселенцевъ до средины 70-хъ годовъ только четыре раза, въ 1863, 1866, 1870 и 1872 гг., достигло цифры въ 500—700 семей; за цѣлое двѣнадцатилѣтіе съ 1862 по 1873 г. въ Сибирь прошло всего около 2,800 семей, въ пятилѣтіе съ 1874 по 1878 г.—всего 8 семей. Авторы, писавшіе о переселеніяхъ въ началѣ и даже срединѣ 80-хъ годовъ,—Янсонъ, кн. Васильчиковъ, Южаковъ, Серповскій и др.,—говорятъ о сибирскомъ переселеніи только вскользь, главное же вниманіе обращаютъ на переселеніе въ южныя и юго-восточныя степи и на Кавказъ. И это понятно: необъятныя дебри Сибири, этой страны ссылки и каторги, самое названіе которой заключало въ себѣ нѣчто устрашающее, при громадности разстояній и плохомъ состояніи путей сообщенія, при отсутствіи о ней не только у крестьянъ, но и въ образованномъ

[26]) *Ядринцевъ*, „Сибирь какъ колонія", 1 изд., таблицы.

обществѣ сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній, не могли привлекать переселенцевъ, которые предпочитали направляться на гораздо менѣе удаленныя и болѣе извѣстныя южныя и юго-восточныя окраины Европейской Россіи. Переселенія въ Сибирь, при такихъ условіяхъ, могли развиваться лишь искусственно, при помощи правительственныхъ „накликовъ“, пособій и льготъ; лишь только прекратились, поэтому, организованныя гр. Киселевымъ правительственныя переселенія въ Сибирь, движеніе переселенцевъ снова принимаетъ естественное направленіе: переселенцы заполняютъ Предкавказье — въ продолженіе 70-хъ гг. въ одной только Кубанской области водворилось свыше 200 тысячъ душъ,—Уфимско-Оренбургскій край, въ теченіе 70-хъ гг. принявшій до 120 тыс. душъ, и т. д. Только съ самаго конца 70-хъ годовъ, когда южныя и восточныя степи начинаютъ обнаруживать признаки переполненія переселенцами, возобновляется движеніе въ Сибирь, которая съ тѣхъ поръ становится главнымъ пріемникомъ русскаго переселенческаго движенія.

За исключеніемъ относительно незначительнаго въ то время движенія на Амуръ и на Алтай—замѣчу мимоходомъ, что громадное большинство переселенцевъ, получавшихъ разрѣшеніе идти на Амуръ, не достигало цѣли и осѣдало по пути, въ Западной Сибири и въ Оренбургскомъ краѣ, — все переселенческое движеніе 60-хъ и 70-хъ гг. было „самовольнымъ“, нелегальнымъ; переселенцы, годичное число которыхъ къ началу 80-хъ гг. превысило, по несомнѣнно неполнымъ оффиціальнымъ даннымъ, 40 тысячъ, осѣдали въ Новороссіи, въ Оренбургскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири; одни изъ нихъ приписывались къ обществамъ старожиловъ и получали право участія въ ихъ землевладѣніи, другіе селились въ качествѣ арендаторовъ на казачьихъ или башкирскихъ земляхъ, третьи покупали или арендовали землю у частныхъ владѣльцевъ; при этомъ огромное большинство переселенцевъ продолжало числиться по мѣсту приписки и проживало по просроченнымъ паспортамъ или безъ всякихъ документовъ, терпя всякія непріятности „за безписьменность“, за невзносъ текущихъ платежей и недоимокъ по мѣсту приписки и т. п.

Правительство, конечно, не могло остаться безучастнымъ свидѣтелемъ этого движенія и создававшейся имъ неурядицы. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ послѣдовалъ рядъ частныхъ узаконеній и распоряженій, которыя легализировали и упорядочивали положеніе переселенцевъ, самовольно осѣвшихъ въ Уфимско-

Оренбургскомъ краѣ, а въ 1876 году изданъ былъ законъ о перечисленіи по мѣсту проживанія всѣхъ переселенцевъ, самовольно водворившихся въ Тобольской и Томской губерніяхъ. Переселеніе, конечно, продолжалось и послѣ того; кромѣ того, за время съ 1876 по 1881 годъ въ министерство государственныхъ имуществъ поступило до тысячи прошеній объ отводѣ переселенцамъ казенной земли, но прошеній этихъ нельзя было удовлетворить „по отсутствію на то законныхъ основаній“. И вотъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, сознавая наличность условій, вызывающихъ необходимость переселенія, сознавая неудобства, связанныя съ безпорядочнымъ самовольнымъ переселеніемъ, правительство рѣшается выйти изъ своей пассивной роли и вновь принять активное участіе въ направленіи переселенческаго дѣла. Съ 1881 г. начинаются подготовительныя работы для составленія общаго переселенческаго закона, а впредь до изданія такого закона принимаются нѣкоторыя временныя мѣры: послѣдовавшимъ 10 іюля 1881 года положеніемъ комитета министровъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ предоставлено было разрѣшать ходатайства о выселеніи лицъ, „хотя и не имѣющихъ на то права по дѣйствующему закону (т.-е. не подходящихъ подъ упомянутыя выше, перечисленныя въ законѣ категоріи сельскаго населенія), но экономическое положеніе коихъ къ тому вынуждаетъ“, съ переводомъ на нихъ недоимокъ и разсрочкою ихъ, соотвѣтствующею платежнымъ силамъ переселенцевъ; въ пользованіе переселенцевъ дозволялось отводить казенную землю на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, въ размѣрѣ не свыше 8 дес. на душу, съ обложеніемъ сообразно дѣйствительной доходности отведенныхъ земель до водворенія на нихъ переселенцевъ; въ то же время создано было первое спеціальное мѣстное учрежденіе для помощи переселенцамъ въ пути и для содѣйствія имъ въ пріисканіи земель,—переселенческая контора въ Батракахъ, просуществовавшая до 1889 г., но вслѣдствіе неудачнаго выбора мѣста принесшая дѣлу лишь небольшую пользу.

Однако, въ дѣйствіяхъ правительства, по компетентному свидѣтельству того же г. Тернера[27]), и въ эту эпоху продолжаетъ сказываться нерѣшительность: „подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сознанія, что уже невозможно далѣе предоставлять этотъ вопросъ самому себѣ, правительство рѣшалось на оказаніе нѣкотораго пособія переселяющимся, а съ другой сто-

[27]) Тамъ же, стр. 114—115,

роны, подъ вліяніемъ опасенія, чтобы подобное содѣйствіе не вызвало нежелательное массовое передвиженіе народа, правительство стремилось ограничить воспособленіе переселенію самыми тѣсными предѣлами"; въ концѣ концовъ направленіе правительственной политики „получало характеръ не столько желанія содѣйствовать развитію и организаціи правильнаго переселенческаго движенія, сколько желанія поставить его въ возможно узкія границы". О такомъ характерѣ отношеній правительства къ переселенію свидѣтельствуетъ, по удостовѣренію г. Тернера [28]), и ничтожный размѣръ отпускавшихся на переселенческое дѣло суммъ (въ 1884 г.—40 тысячъ, затѣмъ по 20 тысячъ рублей въ годъ), и самая медленность разработки общаго переселенческаго закона, изданнаго только 13 іюня 1889 г.— черезъ 8 лѣтъ, считая отъ начала подготовительныхъ работъ. То же отношеніе къ переселенію отразилось и на самомъ содержаніи этого закона. Первоначальный проектъ этого послѣдняго былъ предложенъ правительствомъ на разсмотрѣніе созванныхъ въ началѣ царствованія императора Александра III, въ бытность министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева, „свѣдущихъ людей". Послѣдніе высказались за возможно широкую и свободную постановку переселеній, основанную на признаніи „права каждаго на переходъ на новыя мѣста", и за привлеченіе къ завѣдыванію переселенческимъ дѣломъ въ мѣстахъ выхода переселенцевъ земскихъ учрежденій; государство — такъ полагали свѣдущіе люди — должно считаться съ фактомъ переселеній, не пытаясь подчинять его какимъ-либо нормамъ и своей опекѣ; право каждаго на переселеніе они находили возможнымъ подвергать лишь такимъ ограниченіямъ, которыя не мѣшали бы правильному и свободному теченію жизни. Но замѣнившій графа Игнатьева въ должности министра внутреннихъ дѣлъ графъ Д. А. Толстой рѣшительно отвергъ эти принципы, и по его представленію въ 1886 г. были утверждены, какъ основа будущаго переселенческаго закона, діаметрально противоположныя начала: полное подчиненіе переселенія направленію правительства и сосредоточеніе всего руководства переселенческимъ дѣломъ въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ предоставленіемъ администраціи права останавливать переселеніе, когда оно предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли. Эти начала вылились въ законѣ 13 іюня

[28]) Тамъ же.

1889 г. въ форму нижеслѣдующихъ главнѣйшихъ постановленій: переселеніе допускается лишь съ предварительнаго разрѣшенія правительства, самовольные же переселенцы подлежатъ возвращенію въ мѣста приписки; разрѣшеніе на переселеніе дается только при наличности заслуживающихъ уваженія причинъ (которыхъ однако законъ ближе не опредѣляетъ, оставляя полный просторъ усмотрѣнію администраціи) и при наличности свободныхъ казенныхъ земель. Эти послѣднія отводятся переселенцамъ въ размѣрѣ, соображенномъ съ естественными и хозяйственными условіями каждой данной мѣстности, — въ Европейской Россіи сначала на арендномъ правѣ, на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ, и лишь послѣ того въ надѣльное пользованіе, въ Азіатской Россіи — прямо въ надѣлъ, но съ запрещеніемъ отчуждать или обременять долгами отведенную землю. Плата за землю въ Европейской Россіи не можетъ превышать существующаго въ данной мѣстности размѣра выкупныхъ платежей, безъ погасительной части; въ Сибири она исчисляется соотвѣтственно оброчной подати старожиловъ. Не выкупленные окончательно надѣлы переселенцевъ остаются за ихъ коренными обществами, на отвѣтственность которыхъ возлагаются за-то и переселенческія недоимки. На мѣстѣ новаго водворенія переселенцы освобождаются отъ поземельной платы: въ Европейской Россіи на 2 года, въ Азіатской—на 3 года въ полномъ, на 3—въ половинномъ размѣрѣ, а лицамъ, достигшимъ въ годъ переселенія призывного возраста, дается на такой же срокъ отсрочка въ исполненіи воинской повинности.

Таковы были предоставлявшіяся переселенцамъ по закону 13 іюня 1889 г. льготы. Что касается до пособій и ссудъ, то о нихъ говорилось въ особомъ, не опубликованномъ отдѣлѣ закона, содержаніе котораго изложено въ неоднократно уже цитированной статьѣ Ѳ. Г. Тернера [29]): въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано необходимымъ оказать переселенцамъ особое содѣйствіе, министрамъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и финансовъ предоставлялось, по взаимному соглашенію, разрѣшать выдачу путевыхъ пособій, а по прибытіи переселенцевъ на мѣсто—разрѣшать какъ производство имъ денежныхъ ссудъ на домообзаводство, такъ и отпускъ, безвозмездно или за полцѣны, лѣсного матеріала изъ казенныхъ дачъ,— продовольственными же и сѣменными ссудами переселенцы могли пользоваться, на общихъ со старожилами основаніяхъ,

[29]) Тамъ же, стр. 117.

изъ продовольственныхъ запасовъ этихъ послѣднихъ, не ожидая причисленія по мѣсту новаго проживанія. Наконецъ, на основаніи особаго III отдѣла закона, всѣ лица, самовольно переселившіяся до времени изданія послѣдняго, подлежали перечисленію по мѣстамъ новаго водворенія, но—въ отличіе отъ легальныхъ переселенцевъ—съ переводомъ на нихъ накопленныхъ на родинѣ недоимокъ и съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой отвѣтственности за эти недоимки.

Законъ 13 іюня 1889 года донынѣ остается основнымъ закономъ, регулирующимъ переселеніе крестьянъ, и только для Сибири въ самое послѣднее время дополненъ и частью измѣненъ рядомъ новыхъ законовъ и распоряженій. Что изданіе этого закона также отнюдь не знаменовало еще измѣненія взглядовъ правительства въ благопріятную для переселеній сторону,—это видно уже изъ того факта, что число выданныхъ разрѣшеній на переселеніе съ изданіемъ закона не только не увеличилось, а напротивъ, сократилось: при дѣйствіи этого закона разрѣшено было переселиться: въ 1889 году—2,000, въ 1890 г.—7,600, въ 1891 г.—столькимъ же семьямъ, тогда какъ до изданія закона переселеніе было разрѣшено: въ 1887 г.—9,000, въ 1888 г. — 19,000 семей; главную массу переселенцевъ, попрежнему, составляли самовольные, число которыхъ, по свѣдѣніямъ переселенческихъ пунктовъ, составляло отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ общаго числа переселенцевъ,—лица, либо получившія отказъ въ переселеніи, либо не дождавшіяся результатовъ возбужденной по ихъ ходатайствамъ переписки, либо даже вовсе не пробовавшія ходатайствовать о разрѣшеніи. Общее же число переселенцевъ въ Сибирь, въ началѣ и срединѣ 80-хъ годовъ не превышавшее 30—35 тысячъ въ годъ, къ 1890 году доходитъ до 50 тысячъ, а въ 1891 и 1892 годахъ, подъ вліяніемъ неурожая и его послѣдствій,—до 90 тысячъ въ годъ.

Условія, въ которыхъ совершалось самое передвиженіе переселенцевъ, были въ высшей степени неблагопріятны: до самаго начала 90-хъ годовъ въ узловыхъ пунктахъ переселенческихъ трактовъ не было почти никакихъ помѣщеній для переселенцевъ; почти не было ни медицинской помощи, ни приспособленныхъ для передвиженія тысячныхъ массъ переселенцевъ перевозочныхъ средствъ; изъ появлявшихся въ печати показаній очевидцевъ — назову покойнаго Ядринцева, проф. Исаева, Гл. Успенскаго, гг. Медвѣдева, Головачева—мы знаемъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣвали переселенцы въ пути и во время стоянокъ въ узловыхъ пунктахъ,

гдѣ имъ, за недостаткомъ вагоновъ и пароходовъ, приходилось иногда проживать по цѣлымъ мѣсяцамъ. Кульминаціоннаго пункта эти бѣдствія достигли въ 1892-мъ голодномъ году; въ маѣ этого года въ Тюмени одновременно скопилось до 18 тыс. переселенцевъ, а смертность въ этомъ году въ одной только Тюмени достигла цифры 938 человѣкъ; умирали переселенцы и на другихъ стоянкахъ, и на пароходахъ, и въ открытомъ полѣ,— наконецъ, добравшись кое-какъ до мѣста, истощенные продолжительною дорогой переселенцы устраивались „на новосельѣ“ въ шалашахъ или сырыхъ землянкахъ, и здѣсь опять болѣли и умирали. По произведенной мною лично регистраціи переселенцевъ въ поселкахъ Томской губерніи смерть унесла во время пути и въ первый годъ по прибытіи на новоселье 6% общаго состава переселенческихъ семей въ моментъ ихъ выхода съ родины; особенно велика была дѣтская смертность, по даннымъ г. Остафьева достигавшая въ изслѣдованныхъ имъ переселенческихъ партіяхъ въ среднемъ 11%, въ отдѣльныхъ же партіяхъ доходившая до 30%! Переселенческіе чиновники, командированные съ 1886 года въ узловые пункты переселенческаго движенія, работали съ удивительнымъ самоотверженіемъ — имя Архипова въ то время прославилось на всю Россію, — но вслѣдствіе полнаго недостатка средствъ (достаточно сказать, что томскимъ чиновникомъ за 10-лѣтіе съ 1884 по 1893 годъ роздано было въ ссуды переселенцамъ, при общей численности послѣднихъ свыше 50 тысячъ семей, всего 35,018 рублей, а тюменскій чиновникъ могъ расходовать на ссуды не свыше 5 — 6 тысячъ рублей въ годъ) они не могли оказать переселенцамъ серьезной помощи. Въ нѣкоторыхъ изъ узловыхъ пунктовъ—Перми, Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ—возникли частные переселенческіе комитеты, въ Петербургѣ образовалось общество вспомоществованія переселенцамъ,—но и на тѣ жалкія тысячи рублей, въ которыхъ выразилось общественное сочувствіе переселенцамъ, нельзя было создать, конечно, ничего заслуживающаго вниманія.

На новосельѣ переселенцы либо водворялись въ старыхъ селеніяхъ, либо образовывали новые поселки. Пока земельный просторъ далеко превышалъ потребности населенія, старожилы охотно принимали въ свою среду переселенцевъ, безъ всякой платы или съ ничтожною платой за пріемный приговоръ; но съ усиленіемъ наплыва переселенцевъ старожилы стали относиться къ нимъ менѣе гостепріимно и либо вовсе отказывали имъ въ пріемѣ, либо принимали ихъ лишь за высокую плату

и вообще на болѣе или менѣе стѣснительныхъ условіяхъ. Новые поселки образовывались на особыхъ переселенческихъ участкахъ. Для образованія такихъ участковъ изъ свободныхъ казенныхъ пространствъ или изъ излишнихъ земель, захваченныхъ старожилами, въ 1885 году было сформировано особое учрежденіе — отрядъ изъ агрономовъ и межевыхъ техниковъ; но при небольшомъ составѣ и незначительныхъ средствахъ (бюджетъ отряда равнялся всего 40 тыс. руб. въ годъ) отрядъ за 9 лѣтъ своего существованія могъ образовать всего 174 участка, площадью въ 720 тысячъ десятинъ,—въ нѣсколько разъ менѣе, нежели требовалось бы для надѣленія землею всѣхъ прошедшихъ въ Сибирь переселенцевъ; наплывъ послѣднихъ на казенныя земли Сибири постоянно опережалъ работы по образованію участковъ, и проистекавшіе отсюда безпорядки и недоразумѣнія къ началу 90-хъ годовъ до такой степени обострились, что правительство нашло нужнымъ особымъ циркуляромъ (6 марта 1892 г.) совершенно пріостановить переселеніе въ Сибирь.

Запрещеніе это номинально дѣйствовало до 1895 года; но въ дѣйствительности оказалось возможнымъ пріостановить только выдачу разрѣшеній на переселеніе; самовольное переселеніе продолжалось почти въ прежнихъ размѣрахъ—слишкомъ по 60 тыс. душъ въ годъ—и только поставлено было въ особенно тяжелыя условія: переселенцы, какъ самовольные, не получали правительственной помощи ни во время пути, ни на мѣстахъ водворенія, не имѣли права на надѣленіе казенною землею и по закону 13 іюня 1889 года подлежали возвращенію на родину. Однако до этой крайней мѣры дѣло не дошло: бѣдствія переселенцевъ обратили на себя вниманіе командированнаго въ 1892 году въ Тобольскую губернію, для борьбы съ послѣдствіями неурожая, сенатора князя Голицына; по его ходатайству для помощи переселенцамъ въ пути впервые отпущена была (изъ средствъ особаго комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая 1891 года) сравнительно значительная сумма — 40,000 рублей, а въ апрѣлѣ 1892 года послѣдовало Высочайше соизволеніе на водвореніе въ Сибири всѣхъ прибывшихъ до тѣхъ поръ самовольныхъ переселенцевъ. Въ подобномъ же порядкѣ разрѣшено было позже водвореніе и надѣленіе землей самовольныхъ переселенцевъ, прибывшихъ въ 1893 и 1894 гг.; на деньги же, отпущенныя изъ суммъ особаго комитета, а также на частныя пожертвованія, прилившъ которыхъ усилился главнымъ образомъ благодаря стараніямъ покойнаго Ядринцева, впервые устроена

была на переселенческихъ трактахъ система врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, благодаря чему заболѣваемость переселенцевъ, по оффиціальнымъ свидѣтельствамъ, уже въ 1893 г. понизилась вчетверо, смертность среди заболѣвшихъ—въ 2 раза, сравнительно съ заболѣваемостью и смертностью предшествовавшихъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, силою вещей, правительство было вынуждено нѣсколько измѣнить свое отношеніе къ переселенію. Но рѣшительный поворотъ въ области переселенческой политики былъ вызванъ обстоятельствомъ до извѣстной степени случайнаго характера—обстоятельствомъ, не имѣвшимъ прямой связи ни съ тѣми условіями, которыми вызывалось и вызывается самое переселеніе, ни съ тѣми, которыми опредѣлялась до тѣхъ поръ правительственная политика въ переселенческомъ вопросѣ,— именно начавшеюся въ 1892 году постройкой Сибирской желѣзной дороги. Это огромное предпріятіе, поставленное подъ непосредственное покровительство Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора, и поставленное въ число государственныхъ задачъ первостепеннаго значенія, сразу выдвинуло вопросъ о заселеніи Сибири на первую очередь. „Проложеніе черезъ Сибирь магистральной желѣзнодорожной линіи,—говоритъ тотъ же достовѣрный свидѣтель, на котораго я уже не разъ ссылался, Ѳ. Г. Тернеръ [30]),— которая въ значительномъ своемъ протяженіи должна была проходить по незаселеннымъ и пустопорожнимъ пространствомъ, естественно вызывало мысль о привлеченіи населенія въ эти мѣстности, чтобы создать такимъ образомъ новые производительные центры, которые, оживляемые желѣзною дорогой, въ свою очередь снабжали бы ее грузами“; колонизація Сибири стала поэтому въ рядъ „вспомогательныхъ предпріятій по сооруженію Сибирской желѣзной дороги“, завѣдываніе переселеніемъ въ Сибирь возложено на состоящій подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора комитетъ Сибирской желѣзной дороги, а расходы по организаціи переселеній отнесены на особый 14-милліонный фондъ „вспомогательныхъ по Сибирской дорогѣ предпріятій“.

Комитетъ сразу поставилъ дѣло на широкую ногу; на первый планъ былъ выдвинутъ, конечно, вопросъ объ изысканіи земель, пригодныхъ для водворенія переселенцевъ, и образо-

---

[30]) Продолженіе цитированной уже статьи въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстн. Европы“ за 1897 г., стр. 450.

ваніи изъ нихъ участковъ; для этой цѣли былъ сформированъ многочисленный штатъ спеціальныхъ чиновъ, численность которыхъ къ 1897 году дошла до 160 человѣкъ, а годичная стоимость содержанія—до 240 тыс. рублей; за четыре года (1893—96) ими заготовлено было подъ водвореніе переселенцевъ свыше 4 милліоновъ десятинъ, или около 270 тысячъ душевыхъ долей (припомнимъ, что за девять лѣтъ, съ 1885 по 1893 годъ, было заготовлено всего 700 тысячъ десятинъ!), благодаря чему оказалось возможнымъ не только устроить и надѣлить землею всѣхъ ранѣе прибывшихъ самовольныхъ переселенцевъ, но и возобновить, начиная съ 1895 г., выдачу разрѣшеній на переселеніе. Далѣе, организована сѣть врачебно-продовольственныхъ пунктовъ какъ вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги, по которой теперь направилось почти все движеніе переселенцевъ, такъ и по важнѣйшимъ отвѣтвляющимся отъ нея грунтовымъ дорогамъ и воднымъ путямъ; содержаніе этихъ пунктовъ въ 1897 году обошлось свыше 200 тысячъ рублей. Окончательно урегулированы условія льготной перевозки переселенцевъ по желѣзнымъ дорогамъ — именно, установленъ переселенческій тарифъ въ размѣрѣ 0,3 коп. съ версты, а дѣти до 10 лѣтъ перевозятся безплатно [31]); вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ заготовленію въ достаточномъ числѣ нужнаго для перевозки переселенцевъ подвижнаго состава и вообще къ достиженію возможной быстроты и правильности передвиженія переселенческихъ партій и ихъ багажа по желѣзнымъ дорогамъ, а также организовано снабженіе переселенцевъ лошадьми и повозками для слѣдованія по грунтовымъ путямъ. Ассигнованы крупныя суммы на ссуды переселенцамъ, путевыя и домообзаводственныя,—въ 1895 году около 750 тыс., въ 1896 году около 2 милліоновъ, въ 1897 свыше милліона рублей,—при чемъ нормальный размѣръ домообзаводственныхъ ссудъ, прежде не превышавшій 50 руб., въ 1895 и 1896 годахъ доходилъ, по сообщеніямъ мѣстной печати, до 100 руб. на семью; увеличены размѣры безплатнаго отпуска лѣса на постройки, а въ мѣстностяхъ. удаленныхъ отъ казенныхъ лѣсовъ, устроены лѣсные склады, гдѣ переселенцы получаютъ лѣсъ для построекъ по заготовительной цѣнѣ; устроено также нѣсколько складовъ для снабженія переселенцевъ сѣменами, земледѣльческими орудіями и т. п.; наконецъ, организованъ особый благотворительный

---

31) Въ настоящее время для перевозки переселенцевъ установлены новыя основанія.

сборъ для постройки въ переселенческихъ поселкахъ церквей и школъ, давшій уже очень крупные результаты. Принятъ въ то же время рядъ мѣръ для упрощенія порядка разрѣшенія ходатайствъ о переселеніи, приписки по мѣсту новаго водворенія, разрѣшенія и выдачи ссудъ,— въ частности, во избѣжаніе проволочекъ, связанныхъ съ представленіемъ ходатайствъ о переселеніи на разрѣшеніе центральныхъ учрежденій, а разрѣшеніе этихъ ходатайствъ предоставлено власти губернскихъ присутствій. Наконецъ, признаніе государственной важности переселеній выразилось въ учрежденіи съ января 1897 года особаго центральнаго учрежденія для завѣдыванія переселенческимъ дѣломъ, — переселенческаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Теперь еще нельзя, за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, судить о томъ, какъ осуществлялась и осуществляется эта сложная система мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію сибирскаго переселенія. Въ мѣстной печати появлялось не мало отдѣльныхъ сообщеній, указывающихъ на тѣ или другіе недостатки современной постановки переселенческаго дѣла: отмѣчались случаи водворенія переселенцевъ—особенно въ степяхъ юго-западной Сибири и Степного генералъ-губернаторства—на участкахъ съ недостаточнымъ водоснабженіемъ, безъ сѣнокосовъ или съ плохими почвенными условіями; указывалось на несвоевременную выдачу ссудъ и недостаточно правильное и согласное съ потребностями ихъ распредѣленіе между переселенцами; на неправильную постановку дѣла снабженія переселенцевъ сельско-хозяйственными орудіями и другими предметами домообзаводства, въ рукахъ не въ мѣру рьяныхъ исполнителей переходившаго иногда въ навязываніе переселенцамъ орудій и т. п. предметовъ; въ 1896 г. сообщалось о большихъ скопленіяхъ переселенцевъ въ узловыхъ пунктахъ Сибирской линіи и о недостаточности организаціи какъ самаго передвиженія переселенцевъ, такъ и оказывавшейся имъ врачебно-продовольственной помощи. Но насколько справедливы всѣ эти частныя указанія и особенно — насколько они могутъ быть обобщаемы, — это вопросъ, на который я въ настоящее время затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ.

Меня, однако, интересуютъ въ настоящее время не тѣ или другія частности, а *общее направленіе* русской переселенческой политики. А въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить, что всѣ мѣропріятія комитета Сибирской желѣзной дороги, въ противоположность переселенческой политикѣ предыдущаго тридцати-

лѣтія, имѣли въ виду развить переселеніе въ Сибирь до возможно широкихъ размѣровъ. И дѣйствительно, слухи объ этихъ мѣропріятіяхъ, проникавшіе въ народныя массы, по обыкновенію, въ крайне преувеличенномъ и извращенномъ видѣ, вызвали небывалый и, можетъ-быть, до нѣкоторой степени искусственный ростъ переселеній: вмѣсто прежнихъ 60—90 тысячъ въ годъ число переселенцевъ въ 1895 году дошло до 110, въ 1896—до 200 слишкомъ тысячъ человѣкъ, и въ будущемъ можно было ожидать и дальнѣйшаго возрастанія переселеній. Между тѣмъ, господствовавшій и въ литературѣ, и въ правительственныхъ сферахъ взглядъ, предполагавшій колонизаціонную емкость Сибири почти безпредѣльною, оказался несостоятельнымъ: веденныя съ полною энергіей на средства комитета четырехлѣтнія работы по изысканію земель для водворенія переселенцевъ показали, что запасъ *непосредственно* пригодныхъ — я подчеркиваю слово „непосредственно“—для этой цѣли земель въ Сибири далеко не можетъ удовлетворить всего того спроса, который возникъ бы при дальнѣйшемъ ростѣ переселенческаго движенія. „Недостатокъ наличнаго залога земель для удовлетворенія въ 1897 и ближайшихъ годахъ всѣхъ желающихъ водвориться на новыхъ мѣстахъ“ былъ впервые оффиціально констатированъ въ 1895 году командированнымъ въ Сибирь директоромъ департамента государственныхъ имуществъ И. И. Тихѣевымъ, а затѣмъ, въ слѣдующемъ 1896 году, посѣтившимъ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ переселенческаго дѣла управляющимъ дѣлами комитета Сибирской желѣзной дороги, статсъ-секретаремъ А. Н. Куломзинымъ, который указалъ, между прочимъ, и на затрудненія, ожидающія будущихъ переселенцевъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій остающихся еще незанятыми земель,—условій, которыя „дѣлаютъ занятіе и разработку ихъ дѣломъ не легкимъ, требующимъ не малой затраты труда и капитала и доступнымъ не всякому“ [32]). Близкое истощеніе запасовъ пригодныхъ для колонизаціи земель побудило правительство принять, начиная съ 1895 г., рядъ серьезныхъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію этихъ запасовъ: предпринято обслѣдованіе огромныхъ, дотолѣ, можно сказать, совершенно не изучавшихся пустынныхъ лѣсныхъ, такъ называемыхъ таёжныхъ и урманныхъ пространствъ Сибири, — среди нихъ образовано уже не мало переселенческихъ участковъ, а милліоны десятинъ, гдѣ удобныя

[32]) „Русскія Вѣдомости“ 1897 г., № 76.

для культуры земли разбросаны клочками среди болотъ и лѣсныхъ дебрей, открываются для свободнаго заселенія; въ западно-сибирскія степи снаряжена министерствомъ земледѣлія большая гидротехническая экспедиція, которая въ маловодныхъ мѣстностяхъ юго-западной Сибири и Акмолинской области разыскиваетъ воду, а въ болотистыхъ районахъ Барабы производитъ осушительныя работы; ради нѣкотораго увеличенія емкости страны вновь допущено приселеніе переселенцевъ къ обществамъ старожиловъ, съ предоставленіемъ имъ права на льготы и ссуды, ранѣе предоставлявшіяся лишь переселенцамъ новыхъ поселковъ; значительно расширенъ самый районъ работъ по изысканію земель для заселенія, ранѣе ограничивавшійся непосредственно прилегающею къ линіи желѣзной дороги полосою, а нынѣ охватившій всю Сибирь, съ киргизскими степными областями. Но возможные результаты всѣхъ этихъ мѣръ, по крайней мѣрѣ на ближайшіе годы, далеко не соотвѣтствуютъ возможному спросу на землю, и притомъ качество вновь обращаемыхъ подъ заселеніе земель представляется, говоря вообще, мало привлекательнымъ: это—частью такъ называемыя урманныя и подтаёжныя земли, страдающія отъ чрезмѣрной влажности и другихъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, къ тому же представляющія большія трудности въ отношеніи расчистки лѣса и обращенія лѣсныхъ площадей подъ культуру; частью — маловодныя и безлѣсныя степи, гдѣ земледѣліе, наоборотъ, страдаетъ отъ излишней сухости климата, обусловливающей частые неурожаи, и гдѣ самыя почвенныя условія лишь на сравнительно незначительныхъ пространствахъ могутъ быть признаны достаточно благопріятными. И вотъ, новому центральному учрежденію, созданному для завѣдыванія широкопоставленнымъ переселеніемъ, пришлось начать свою дѣятельность извѣстнымъ циркуляромъ отъ 20 февраля 1897 года, № 1, направленнымъ къ возможному его сокращенію; нормальный размѣръ ссудъ на домообзаводство пониженъ до 30 рублей, и лишь дополнительно выдаются вторыя ссуды, въ среднемъ не свыше 20 руб. на семью; мѣстнымъ учрежденіямъ предписано направлять всѣ усилія „къ опроверженію заманчивыхъ слуховъ, которые безспорно являются одною изъ главнѣйшихъ причинъ къ оставленію родины многими переселенцами“; для той же цѣли командируются, какъ извѣстно изъ газетныхъ сообщеній, особые чиновники, и издается $1^1/_2$-копѣечная книжка—„Сибирское переселеніе“; губернскимъ учрежденіямъ рекомендуется при разсмотрѣніи ходатайствъ о переселеніи руководствоваться

мыслью о нежелательности развитія послѣдняго въ размѣрахъ, не оправдываемыхъ хозяйственнымъ положеніемъ каждаго даннаго общества, и наблюдать, чтобы не выселялись тѣ семьи, кои по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ разсчитывать на устройство своего быта въ Сибири; предписывается не разрѣшать переселенія въ Сибирь безъ предварительной посылки ходоковъ, при чемъ особо поощряется такъ называемое „семейное ходачество"—отправка ходоками не довѣренныхъ лицъ отъ болѣе или менѣе значительныхъ группъ крестьянъ, а представителей отдѣльныхъ семействъ; наконецъ, подтверждаются строгія мѣры для предупрежденія самовольныхъ переселеній,—самовольные переселенцы лишаются права на полученіе путевыхъ ссудъ, а также на полученіе земли изъ переселенческихъ участковъ, и допускаются лишь въ открытыя для свободнаго водворенія таёжныя и урманныя пространства. Какъ примѣнялись всѣ эти мѣры на практикѣ, объ этомъ мы не располагаемъ, если не считать нѣсколькихъ отрывочныхъ газетныхъ сообщеній, никакими свѣдѣніями. Но имѣвшійся въ виду результатъ, несомнѣнно, былъ достигнутъ: число переселенцевъ въ 1897 году упало до 63 тыс., не считая, впрочемъ, 14 тысячъ артельныхъ и семейныхъ ходоковъ. На нынѣшній, 1898 годъ, подъ вліяніемъ прошлогодняго плохого урожая, можно, правда, ожидать новаго значительнаго возрастанія числа переселенцевъ, но все-же число послѣднихъ едва ли достигнетъ или даже приблизится къ цифрѣ 1896 года.

Такимъ образомъ, 1897 годъ ознаменовался новымъ поворотомъ правительственной политики въ области переселенческаго дѣла; правительство вновь вступаетъ на путь сдерживанія переселеній, и ограничительныя мѣры, нынѣ принимаемыя, на первый взглядъ представляютъ не мало сходства съ мѣрами, практиковавшимися до 1893 года. Но *мотивы* этихъ мѣръ и этой политики совершенно иные; до 1893 года правительство признавало широкое развитіе переселеній нежелательнымъ и нѣсколько опаснымъ. Въ настоящее время прежнія опасенія, какъ кажется, совершенно забыты; быстрое заселеніе Сибири и въ частности—района Сибирской желѣзной дороги считается, напротивъ, важною государственною задачей,—но правительство убѣдилось въ невыполнимости этой задачи, убѣдилось въ томъ, что ограниченность земельнаго фонда Сибири допускаетъ и въ будущемъ лишь такое же, если не еще болѣе медленное, постепенное ея заселеніе, какое происходило естественнымъ путемъ до настоящаго времени.

Ограниченность земельнаго фонда Сибири!... Это понятіе плохо мирится съ тѣмъ необъятнымъ просторомъ, какой мы привыкли представлять себѣ при словѣ „Сибирь“. „Періодъ нашихъ разселеній и колонизаціи Сибири,—писалъ 15 лѣтъ тому назадъ покойный Ядринцевъ,—какъ и задачи ея, не прекратились, но только начинаются“...; „въ Сибири весьма много свободныхъ земель, представляющихъ всѣ удобства для земледѣлія и скотоводства, слѣдовательно, огромный выборъ этихъ земель для переселенца“ [33]). И этотъ взглядъ, горячо отстаиваемый, напр., профессоромъ Исаевымъ, до настоящаго времени можетъ быть признанъ господствующимъ въ нашей, особенно періодической литературѣ. На чемъ же однако основывается подобный взглядъ? Главною, если не единственною опорою его являются разныя ариѳметическія выкладки, исходящія изъ огромныхъ цифръ пространства тѣхъ частей Сибири, которыя по условіямъ географической широты могутъ предполагаться годными для культуры. „Если, говоритъ Ядринцевъ [34]), мы представимъ себѣ хоть часть пространства, занимаемаго Тобольскою и Томскою губерніями, а именно всю среднюю черноземную полосу, безусловно свободную къ заселенію, населенною такъ же, какъ Европа, то мы получимъ, что край этотъ можетъ пропитать не менѣе 51,360,000 жителей; если же населить ее подобно Франціи и Англіи, то гораздо больше“. Десять лѣтъ спустя проф. Исаевъ исчислялъ ёмкость тѣхъ же двухъ сибирскихъ губерній и лежащихъ южнѣе киргизскихъ степныхъ областей съ гораздо большею осторожностью; исходя изъ предположенія, что три четверти ихъ общей площади абсолютно негодны для осѣдлаго жительства; что изъ остальной четверти лишь половина пригодна для правильной культуры; что изъ этой половины только одна третья часть можетъ служить мѣстомъ для поселенія, и что при экстензивной системѣ хозяйства на семью нужно по 50 десятинъ земли,—г. Исаевъ приходитъ къ заключенію, что въ Тобольской и Томской губерніяхъ можетъ размѣститься до 2,080,000 семей, а слѣдовательно, считая наличное населеніе въ 900,000 семей, вновь можетъ поселиться около 1,200,000 семей, или 6—6½ милліоновъ душъ [35]); а внутренній обозрѣватель одного изъ нашихъ толстыхъ журналовъ [36]) опредѣлялъ колонизаціонную ёмкость Сибири ни

[33]) „Сибирь какъ колонія“, I изд., стр. 161.

[34]) Тамъ же, стр. 159.

[35]) *Исаевъ*, „Переселенія въ русск. народн. хозяйствѣ“, стр. 171.

[36]) „Русская Мысль“, ноябрь 1893 г.

много-ни мало, какъ въ 100 милліоновъ душъ!... Уже крайняя противорѣчивость выводовъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ о шаткости основаній и пріемовъ, при помощи которыхъ созидались эти выводы; и дѣйствительно, мѣстные изслѣдователи еще съ конца 80-хъ годовъ начали предостерегать противъ подобнаго рода ариѳметическихъ упражненій: не беря на себя смѣлости категорически рѣшать, можетъ ли Сибирь принять милліонъ, десять или сто милліоновъ переселенцевъ, они указывали на то, что громадная часть площади Сибири—даже если имѣть въ виду одну только культурную ея полосу—занята необитаемыми горными странами, огромными болотами, обширными безводными степями или непроходимыми дебрями тайги и урмановъ, — вообще пространствами, пригодность которыхъ для заселенія возбуждаетъ весьма и весьма сильныя сомнѣнія; что разбросанные среди этихъ необитаемыхъ пространствъ населенные районы, по большей части лентами протянувшіеся вдоль рѣкъ и большихъ дорогъ, сравнительно очень обширны и далеко не всегда привлекательны въ смыслѣ удобствъ для земледѣльческаго хозяйства; что во многихъ изъ этихъ районовъ замѣчаются уже признаки перенаселенія,—конечно, перенаселенія относительнаго, при данномъ экстензивномъ хозяйствѣ,—признаки, заставляющіе относиться къ вопросу о дальнѣйшей колонизаціи этихъ районовъ съ крайнею осторожностью. Предостереженія эти не произвели сколько-нибудь замѣтнаго впечатлѣнія: и въ литературѣ и въ правительственныхъ сферахъ продолжали вѣрить въ возможность широкаго развитія сибирской колонизаціи; но первый же опытъ болѣе широкой постановки послѣдней показалъ невозможность продолжать вести дѣло въ томъ же направленіи. Какъ ни дико звучитъ фраза: „въ Сибири мало земли“, — въ Сибири, съ ея 12 милліонами кв. верстъ,—тѣмъ не менѣе пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Сибири земли дѣйствительно мало: тѣ 5, 6, можетъ-быть 7 милліоновъ десятинъ, на заселеніе которыхъ можно, въ лучшемъ случаѣ, разсчитывать въ ближайшемъ будущемъ [37]), — это ничего въ сравненіи съ тѣми надеждами, кото-

[37]) Редакція „Сборника“, не находя возможнымъ въ чемъ-либо измѣнять статью почтеннаго А. А. Кауфмана, обстоятельно выясняющую условія переселенія въ Сибирь и богатую фантическимъ матеріаломъ, не беретъ на себя отвѣтственности за проводимую авторомъ основную мысль о невозможности широкой постановки переселенія въ Сибирь и тѣмъ менѣе можетъ раздѣлить эту точку зрѣнія, что не видитъ основаній, по которымъ авторъ считаетъ доступными для переселенія въ ближайшемъ будущемъ лишь „5, 6, можетъ-быть 7 милліоновъ десятинъ“. *Прим. Редакціи.*

рыя возлагались на Сибирь, ничего въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ земли, какое было бы необходимо для дѣйствительно широкой постановки переселенческаго дѣла,— для того, чтобы отливъ переселенцевъ могъ серьезно отразиться на хозяйственной жизни сельскаго населенія Европейской Россіи. Конечно, никому не приходило и не приходитъ въ голову утверждать, чтобы остальная площадь Сибири была *абсолютно* и *навсегда* негодна для заселенія и культуры; напротивъ, многія изъ нынѣшнихъ болотъ несомнѣнно обсохнутъ либо естественнымъ путемъ, либо подъ вліяніемъ искусственныхъ водоотводныхъ сооруженій; обширныя пространства, культурѣ которыхъ препятствуетъ нынѣ чрезмѣрная лѣсистость и связанныя съ нею неблагопріятныя условія—излишняя влажность, морозы и т. п., мало-по-малу обезлѣсятся, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнятся въ лучшую сторону и климатическія свойства этихъ пространствъ; мало-по-малу естественнымъ путемъ будетъ происходить выщелачиваніе и созрѣваніе для культуры кислыхъ и солонцеватыхъ почвъ. Но все это процессы, могущіе совершаться лишь медленно и постепенно; медленно же и постепенно будетъ идти расчистка лѣсныхъ дебрей руками старожиловъ Сибири, а частью и переселенцевъ-піонеровъ и обращеніе ихъ подъ культуру. Пригодная для обитанія и культуры площадь будетъ, такимъ образомъ, непрерывно расти, и съ каждымъ годомъ, по всей вѣроятности, можно будетъ намѣчать все новые и новые районы, созрѣвшіе для колонизаціи; но эти районы будутъ, сравнительно, очень невелики, ростъ колонизаціонной площади будетъ очень медленнымъ и никоимъ образомъ не дастъ права разсчитывать на возможность „широкой“, т.-е. быстрой колонизаціи края.

Независимо отъ приведенныхъ апріористическихъ или, вѣрнѣе, ариѳметическихъ соображеній, приверженцы оптимистическаго взгляда на будущность сибирскаго переселенія исходили также изъ соображеній, такъ сказать, апостеріорнаго характера: возможность и желательность широкаго развитія переселеній въ будущемъ выводились изъ тѣхъ благопріятныхъ, а нерѣдко, можно сказать, блестящихъ результатовъ, какіе давало переселеніе въ прошедшемъ. И дѣйствительно, переселенцы, водворившіеся въ Тобольской, Томской и Енисейской губерніяхъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, такъ называемые „староселы“, почти вездѣ, какъ выяснили мѣстныя изслѣдованія, сравнялись, въ смыслѣ благосостоянія и размѣровъ хозяйства, со старожилами, а отдѣльныя группы ихъ даже превзошли этихъ

послѣднихъ (что объясняется, главнымъ образомъ, ихъ большею бережливостью и меньшею, нежели у старожиловъ, привычкою къ внѣшнему комфорту). Относительно болѣе новыхъ поселковъ имѣются, къ сожалѣнію, лишь довольно отрывочныя данныя, и притомъ самыя новѣйшія изъ этихъ данныхъ относятся къ 1893—1894 годамъ; изъ этихъ данныхъ видно, напр., что въ семи основанныхъ въ концѣ 70-хъ годовъ поселкахъ Кокчетавскаго уѣзда, Акмолинской области, въ 1891 году въ среднемъ на дворъ было по 8,4 головы крупнаго скота и по 9 дес. посѣва; въ селеніяхъ Алтайскаго горнаго округа, описанныхъ въ концѣ 80-хъ годовъ г. Чудновскимъ, было въ среднемъ по 4,4 лошади, 4,4 рогатыхъ и 5,4 дес. посѣва; по произведенному мною въ 1894 году сплошному учету переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи на дворъ приходилось по 2,5 рабочей лошади, 1,9 дойной коровы и 4,9 дес. посѣва; по сплошному же учету переселенцевъ въ Енисейской губерніи — 4,1 рабочей лошади, 2,2 дойной коровы и 6,9 дес. посѣва. Все это — цифры, не уступающія или лишь немного уступающія соотвѣтственнымъ цифрамъ, характеризующимъ благосостояніе сибирскихъ старожиловъ, и, конечно, далеко превышающія среднія цифры скота и посѣвовъ крестьянъ среднерусскихъ губерній. Если принять въ соображеніе, что значительное большинство переселенцевъ является на новоселье безъ копейки денегъ или съ ничтожными средствами — такъ, по моей регистраціи изъ числа водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи переселенцевъ 44% пришли безъ копейки денегъ, 18% принесли не свыше 25 руб., и только 14% принесли съ собою болѣе 100 рублей на семью,—если принять это въ соображеніе, то результаты переселенія придется признать, въ общемъ, вполнѣ благопріятными; при этомъ анализъ статистическихъ данныхъ о благосостояніи переселенцевъ, сгруппированныхъ по годамъ прибытія, показываетъ, что переселенцы весьма быстро становятся на ноги, и уже на четвертый годъ благосостояніе ихъ является, въ среднемъ выводѣ, достаточно упрочившимся. Нельзя, однако, не обратить вниманія на слѣдующее любопытное и, на мой взглядъ, весьма важное обстоятельство: всѣ наблюдатели и большинство изслѣдователей переселенческаго движенія придаютъ рѣшающее значеніе размѣру средствъ, которыми переселенцы располагаютъ для первоначальнаго обзаведенія на новомъ мѣстѣ; литература заключала отсюда о необходимости возможно широкаго кредита переселенцамъ, правительство же пришло къ заключенію о же-

лательности ограничить переселеніе однѣми только болѣе состоятельными семьями. И дѣйствительно: точное изслѣдованіе вопроса, произведенное мною при помощи комбинаціоннаго подсчета, по отношенію къ переселенцамъ Томской губерніи показало, что состоятельныя семьи, при прочихъ равныхъ условіяхъ, устраиваются значительно скорѣе бѣдныхъ и достигаютъ болѣе высокаго благосостоянія, хотя вліяніе размѣра принесенныхъ средствъ въ значительной мѣрѣ уравновѣшивается, а съ теченіемъ времени даже перевѣшивается вліяніемъ другого фактора — рабочей силы домохозяйства. Но выводъ получится совершенно иной, если сравнивать не *абсолютные*, а *относительные* результаты переселенія, — если задаться вопросомъ, *что выигрываютъ* переселенцы различныхъ по размѣрамъ благосостоянія группъ? — Среди переселенцевъ, какъ доказано цифрами, преобладаютъ среднесостоятельныя семьи—болѣе состоятельнымъ, вообще говоря, нѣтъ особаго побужденія переселяться, а круглая бѣднота не располагаетъ нужными для того средствами; но значительный процентъ среди переселенцевъ составляютъ все-же вовсе неимущія семьи, идущія въ разсчетѣ на „Христово имя“ или на казенныя „способія“, а не мало и состоятельныхъ, даже богатыхъ переселенцевъ. И вотъ, профессоромъ Исаевымъ еще въ 1891 году было подмѣчено, что „съ деньгами жизнь можетъ быть обставлена съ бо̀льшими удобствами въ Россіи, нежели въ Сибири“; „кто имѣетъ,—говоритъ далѣе г. Исаевъ,—въ Курской, Воронежской, Харьковской губерніяхъ 1 — 2 десятины, тотъ чрезвычайно выиграетъ отъ переселенія, кто же имѣетъ 10 десятинъ, тотъ не выиграетъ или не много выиграетъ отъ переселенія въ Сибирь на 15-десятинный надѣлъ“. Это будетъ становиться тѣмъ болѣе очевиднымъ, чѣмъ больше будутъ развиваться переселенія,—и „лѣтъ черезъ десятокъ,— думаетъ г. Исаевъ,—крестьяне значительнаго достатка вовсе не будутъ идти въ Сибирь“ [38]). На основаніи цифроваго матеріала, добытаго мною въ поселкахъ Томской губерніи, я, со своей стороны, долженъ всецѣло присоединиться къ этой мысли, пользующейся—замѣчу вскользь—полнымъ правомъ гражданства среди осѣвшихъ уже и обжившихся на новосельѣ переселенцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, группируя томскихъ переселенцевъ по размѣрамъ ихъ посѣва на родинѣ и сравнивая для каждой группы данныя о числѣ скота и размѣрахъ посѣвной площади на родинѣ и на новосельѣ, мы видимъ, напр.,

[38]) Назв. соч., стр. 117.

что дворы, на родинѣ вовсе не сѣявшіе хлѣба, въ Сибири имѣютъ по 1,7 лошади и 2,8 дес. посѣва; дворы, засѣвавшіе отъ 1 до 3-хъ десятинъ, имѣютъ на новосельѣ, въ среднемъ, почти вдвое болѣе рабочаго скота и посѣвовъ, чѣмъ имѣли на родинѣ; напротивъ, уже дворы, засѣвавшіе на родинѣ отъ 5 до 8 десятинъ, почти не показываютъ въ Сибири никакого прироста благосостоянія, а дворы высшей по благосостоянію на родинѣ группы, засѣвавшіе свыше 8 десятинъ, имѣютъ, въ среднемъ, лишь такое же количество рабочаго скота, посѣвовъ же почти на 3 дес. *менѣе,* нежели имѣли на родинѣ. Другими словами, переселенцы, говоря вообще, въ тѣмъ большемъ выигрышѣ отъ переселенія, чѣмъ хуже было ихъ положеніе на родинѣ; для тѣхъ же переселенцевъ, которые на родинѣ имѣли сравнительно большое хозяйство, переселеніе, если даже принимать во вниманіе однѣ лишь абсолютныя цифры, оставляя безъ вниманія различное значеніе десятины посѣва въ навозномъ трехпольѣ и въ сибирскомъ залежномъ хозяйствѣ, различное значеніе лошади при „россійской“ одноконной сохѣ и при сибирскомъ пароконномъ сабанѣ,—приноситъ чистый убытокъ.

Я долженъ былъ нѣсколько отклониться отъ нити моего изложенія. Возвращаясь теперь къ вопросу объ *общихъ* результатахъ переселенія для уже водворившихся въ Сибири переселенцевъ, нельзя не признать ихъ достаточно благопріятными, хотя болѣе детальный анализъ показалъ бы необходимость внести въ это общее заключеніе нѣкоторыя существенныя поправки. Но тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно придти къ благопріятному заключенію относительно положенія уже живущихъ въ Сибири, слѣдовательно, *прибывшихъ ранѣе* переселенцевъ, не даютъ никакого права на подобное же заключеніе относительно *нынѣшнихъ,* а тѣмъ болѣе — *будущихъ* переселенцевъ. Переселенцы, прибывшіе ранѣе, водворялись въ старожильскихъ ли селеніяхъ или на особыхъ участкахъ,—но во всякомъ случаѣ въ тѣхъ же самыхъ, сравнительно незначительныхъ по площади районахъ, гдѣ расположилось старожилое населеніе Сибири. Но эти районы, это—*лучшія* по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ части края; поселяясь здѣсь, переселенцы имѣли у старожиловъ хорошіе заработки: за три-четыре недѣли страды можно было обезпечить себя хлѣбомъ на цѣлый годъ; они получали въ пользованіе или въ надѣлъ землю, не требовавшую, для обращенія подъ культуру, предварительной расчистки, а для первыхъ посѣвовъ очень часто могли воспользоваться, даромъ или за ничтожную плату, „мягкими“ землями,

ранѣе бывшими подъ распашками старожиловъ; въ видѣ общаго правила, они пользовались у послѣднихъ и кредитомъ, на сравнительно льготныхъ условіяхъ, что̀, конечно, также значительно облегчало ихъ обзаведеніе. Въ настоящее время колонизація *этихъ* районовъ, вообще говоря, закончена; переселенцамъ приходится водворяться въ гораздо худшихъ по почвеннымъ и особенно̀ климатическимъ условіямъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ въ маловодныхъ степяхъ или среди таёжныхъ и урманныхъ пространствъ; въ послѣднемъ случаѣ каждый клочекъ пашни или покоса достается переселенцу лишь цѣною тяжелаго труда, затраченнаго на рубку и корчеваніе лѣса, да и самый подъемъ цѣлины нерѣдко оказывается непосильнымъ для хозяйственно-слабаго переселенца. Имъ приходится водворяться, притомъ, все дальше и дальше отъ центровъ населенности, а потому имъ становится все труднѣе обезпечить себя необходимыми на первое время, до полученія урожая отъ собственнаго посѣва, заработками, становится все труднѣе пріобрѣтать предметы, нужные для обзаведенія хозяйствомъ. Поэтому и конечный результатъ переселенія становится все болѣе и болѣе проблематическимъ,—все труднѣе и труднѣе становится обзавестись хозяйствомъ, и это послѣднее все болѣе и болѣе страдаетъ отъ всякихъ неблагопріятныхъ случайностей.

Возрастающая рискованность переселеній доказывается уже отчасти учащеніемъ вторичныхъ переселеній — переходовъ переселенцевъ съ одного мѣста на другое. Переходы эти бывали всегда и въ значительной мѣрѣ объяснялись: отчасти, — какъ было указано выше, — чрезмѣрною притязательностью самихъ переселенцевъ, отчасти—неорганизованностью переселеній, благодаря которой переселенцы очень часто попадали на участки, не соотвѣтствующіе ихъ потребностямъ и вкусамъ, и лишь впослѣдствіи узнавали о существованіи болѣе для нихъ подходящихъ мѣстъ. Но въ послѣднее время переходы уже слишкомъ учащаются: такъ, среди переселенцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ Томской губерніи съ 1880 по 1889 годъ, переселенцы, успѣвшіе разъ или болѣе перемѣнить мѣсто жительства, составляли всего 9,6%; въ 1890 году они составляли 17,8%; въ 1891 г.—22,2%; въ 1892 г.—23,6%; 1893 г.—27,5%; внутри Алтайскаго горнаго округа, этого переселенческаго Эльдорадо, за 1889—1892 гг. перешло съ мѣста на мѣсто $22^1/_2$ тысячи человѣкъ. Въ самые послѣдніе годы переходы, повидимому, еще участились, такъ что понадобилось издать особый законъ, въ силу котораго переселенцы, самовольно оставившіе отведенные имъ

участки, лишаются права на надѣленіе другими казенными землями. И такое учащеніе переходовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ лучшія по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ мѣста уже заняты, и что переселенцамъ все чаще приходится осѣдать на участкахъ, которые оказываются несоотвѣтствующими ихъ ожиданіямъ. — Но еще болѣе неопровержимымъ доказательствомъ возрастающей рискованности переселеній, какъ результата ухудшающихся условій водворенія, является растущее въ ужасающей прогрессіи обратное переселеніе: съ 1885 по 1893 годъ въ Европейскую Россію вернулось изъ Сибири всего 2,302 семьи, или около 13 тысячъ душъ—3,6% общаго числа прошедшихъ въ Сибирь за тотъ же періодъ переселенцевъ; между тѣмъ, если взять послѣдніе два года, то окажется, что въ одномъ только 1896 году число обратныхъ опредѣлилось уже въ 26 тысячъ душъ, или около 13%, въ 1897 году — приблизительно въ 23 тыс. душъ, что̀ по отношенію къ ненормально-малому размѣру движенія въ Сибирь за тотъ же годъ составляетъ почти 40%! Въ отдѣльныхъ случаяхъ обратное переселеніе, несомнѣнно, объясняется такими причинами, какъ тоска по родинѣ, неумѣніе сразу приспособиться къ новымъ природнымъ и хозяйственнымъ условіямъ, всякими случайными обстоятельствами; но въ *массѣ* случаевъ обратное переселеніе—несомнѣнный показатель возрастающей трудности отысканія подходящаго мѣста для поселенія и необходимыхъ для прочнаго обзаведенія условій. Не нужно быть пророкомъ, чтобы утверждать, что обратное переселеніе будетъ расти и впредь, до тѣхъ поръ, пока наплывъ въ Сибирь переселенцевъ не сократится до размѣра, соотвѣтствующаго *дѣйствительный*, очень незначительной и медленно растущей емкости страны. А такое сокращеніе произойдетъ неизбѣжно, потому что разсказы и самый внѣшній видъ обратныхъ переселенцевъ, большею частію до-тла разоренныхъ, все потерявшихъ на родинѣ и ничего не нашедшихъ на новосельѣ, лучше, нежели какія-нибудь правительственныя мѣры, лучше, нежели всякія книжки, убѣдятъ переживающее кризисъ крестьянство, что въ переселеніи для него нѣтъ спасенія. Въ частности, не безъ вліянія будетъ здѣсь слѣдующее обстоятельство: при нынѣшнихъ, охарактеризованныхъ уже выше, условіяхъ переселенія—при трудности обращенія дѣвственной земли подъ культуру и невозможности разсчитывать на достаточные сторонніе заработки—гораздо большее, чѣмъ прежде, значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о степени обезпеченности переселенцевъ денежными сред-

ствами: *прежде* могъ переселяться и дѣйствительно переселялся и круглый бѣднякъ, которому нечего было терять отъ переселенія, но который все могъ выиграть, при удачѣ; *теперь*—и крестьянство скоро это сознаетъ—для круглаго бѣдняка нѣтъ или скоро не будетъ мѣста среди переселенцевъ, — онъ и въ Сибири останется тѣмъ же пролетаріемъ, какимъ былъ на родинѣ; нельзя будетъ переселяться и той средне-состоятельной массѣ, у которой хватало денегъ только на дорогу и которая приходила на новоселье безъ гроша или съ нѣсколькими рублями. Разсчитывать устроиться при *нынѣшнихъ* условіяхъ можетъ только семья болѣе или менѣе состоятельная; но для такой семьи—повторяю слова проф. Исаева—жизнь можетъ быть обставлена бо̀льшими удобствами въ Россіи, нежели въ Сибири,—такія семьи поэтому никогда не дадутъ значительнаго контингента переселяющихся.

Конечный выводъ изъ всего изложеннаго таковъ, что думать о широкомъ развитіи переселенія въ Сибирь безусловно нельзя; что переселеніе, силою вещей, осуждено возвратиться къ прежнимъ ничтожнымъ размѣрамъ, а можетъ - быть временно и вовсе прекратиться; и что всякія дальнѣйшія мѣры, направленныя къ широкому развитію переселенія, другими словами—къ увеличенію числа переселяющихся, повели бы только къ увеличенію той массы горя и разоренія, которая находитъ себѣ рельефное выраженіе въ обратномъ переселеніи. Но Сибирь въ настоящее время представляется важнѣйшимъ и крупнѣйшимъ изъ доступныхъ еще для переселенческаго движенія районовъ. Колонизація юго-восточныхъ степей, Предкавказья болѣе или менѣе закончена, средне-азіатскія же области, повидимому, лишь на ничтожныхъ протяженіяхъ представляютъ условія, благопріятныя для развитія колонизаціи; притомъ заселеніе ихъ русскими переселенцами въ значительной мѣрѣ затрудняется неумѣніемъ послѣднихъ примѣняться къ своеобразнымъ пріемамъ мѣстной земледѣльческой техники. Сказать, что переселеніе *въ Сибирь* не можетъ расчитывать на широкое развитіе, значитъ, поэтому, сказать то же самое о *всемъ вообще* русскомъ переселенческомъ движеніи.

Возможную роль въ народномъ хозяйствѣ, подобномъ русскому, широко поставленнаго переселенческаго движенія можно представлять себѣ весьма различно: я лично склоненъ думать, что даже въ этомъ случаѣ переселеніе было бы не болѣе, нежели жалкимъ палліативомъ, отвлекающимъ средствомъ, способнымъ только задержать нормальный и неизбѣжный ходъ хо-

зяйственнаго и культурнаго развитія страны и растянуть на болѣе продолжительное время совершающійся здѣсь кризисъ,—средствомъ, до нѣкоторой степени полезнымъ лишь при одновременномъ примѣненіи къ уврачеванію страданій народнаго хозяйственнаго организма, въ широкомъ масштабѣ, другихъ, болѣе радикальныхъ средствъ; въ литературѣ несомнѣнно господствуетъ иной, болѣе оптимистическій взглядъ. Но при выясненномъ на предыдущихъ страницахъ положеніи дѣлъ, когда размѣры переселенія не могутъ выйти изъ такихъ ничтожныхъ цифръ, какъ 100 или хотя бы 200 тысячъ въ годъ, когда, слѣдовательно, ежегодное выселеніе изъ Европейской Россіи можетъ поглотить лишь небольшую дробь годичнаго прироста ея стомилліоннаго населенія, при *такомъ* положеніи дѣлъ переселеніе, оказывая иногда ощутительное вліяніе на ту или другую общину, волость, изрѣдка, можетъ-быть, на уѣздъ, откуда уходитъ на новыя мѣста замѣтная часть населенія, представляетъ собою *нуль*, quantité négligeable съ точки зрѣнія возможнаго вліянія на общій ходъ русскаго народнаго хозяйства. Оно безсильно стать *факторомъ* развитія русскаго народнаго хозяйства, а остается лишь болѣзненнымъ *симптомомъ* его ненормальнаго положенія,—наружнымъ страданіемъ, происходящимъ отъ глубокихъ внутреннихъ причинъ.

А. А. Кауфманъ,
дѣйствительный членъ
Московск. Юридическаго Общества.

